
ОГОНЁК
№ 48 НОЯБРЬ 1958
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На этом снимке вы видите Галю Михасик, молодую сновальщицу Дарницкого шелкового комбината в Киеве. Галя в прошлом году окончила десятилетку и избрала себе хорошую рабочую специальность. Коллектив сновального цеха обязался в честь XXI съезда партии выпустить сверхплановую продукцию. Свой вклад внесут и Галя и ее сверстницы, а их в цехе работает около семидесяти.

Фото Дм. Бальтерманца и Н. Козловского.

На первой странице обложки: Известный гимнаст, неоднократный чемпион мира, заслуженный мастер спорта Грант Шагинян занимается с юными гимнастами.

Фото Б. Кузьмина.

ОГОНЁК № 48 (1641) 23 НОЯБРЯ 1958

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

36-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Здравствуй, наша семилетка!

«Кровные интересы и самые глубокие чаяния трудящихся...» Таковы первые слова, которые пришли в голову вальцовщику с «Серпа и молота» Степану Григоренко: интересы и чаяния всего нашего народа ярко выражены в тезисах доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС.

С вальцовщиком перекликается и доблестный строитель Волжской ГЭС имени В. И. Ленина дважды Герой Социалистического Труда Алексей Улесов: «Мне, советскому рабочему, хочется сказать от чистого сердца в полный голос: «Здравствуй, наша семилетка!»

Так же как могучие реки истоком своим имеют скромные, неприметные на глаз родники, изумивший человечество семилетний план питается неисчислимыми родниками трудовой и творческой инициативы миллионов и миллионов людей.

65—70 миллионов тонн чугуна, 86—91 миллион тонн стали, 65—70 миллионов тонн проката... Несокрушимый металлический фундамент подводят славные советские металлурги под грядущее коммунистическое общество.

230—240 миллионов тонн нефти... Сколько моторов будет напоено этим потоком горючего! Летчик или судоводитель, машинист или тракторист — он должен быть благодарен рабочим нефтяных промыслов, которые добывают из недр земли эту чудодейственную жидкость.

Мы читаем: 10—11 миллиардов пудов хлеба, 5,7—6,1 миллиона тонн хлопка, 100—105 миллионов тонн молока... И перед нами возникают необозримые поля родной страны, где земледельцы и животноводы, вооруженные великолепной техникой, создают это изобилие продуктов, которое в скором времени полностью удовлетворит потребности всего нашего населения.

И какую бы грандиозную цифру ни услыхали мы, взоры наши невольно обращаются к рядовым советским людям, дела которых свершаются во имя народного счастья, во имя победы коммунизма.

Именно с ними, советскими тружениками, советуется партия, выдвигая на всенародное обсуждение контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Решающее слово за творцами и строителями нового общества, за теми, кому предстоит выполнить великий план. Это они, люди, чьи помыслы устремлены в будущее, стали продолжателями великого ленинского почина — социалистического соревнования,— создав ныне первые бригады коммунистического труда.

Каждый, кто говорит о тезисах, прежде всего одобряет твердую линию, взятую партией, на преимущественное развитие тяжелой индустрии. Именно эта линия, полностью отвечающая учению Ленина, привела к тому, что Советская страна вступила теперь в новый, важнейший период своего развития — период развернутого строительства коммунистического общества.

Верность ленинской генеральной линии, решительная борьба с теми, кто противодействует ей, разоблачение антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина и примкнувшего к ним Шепилова — все это укрепило единство наших рядов.

Радостью отзовутся в сердце каждого те цифры семилетнего плана, которые говорят о повышении жизненного уровня народа. Больше будет товаров широкого потребления. Около 15 миллионов новых квартир получит население городов и рабочих поселков, около 7 миллионов жилых домов будет построено в сельских местностях. Повысится заработная плата низкооплачиваемых рабочих и служащих.

Венцом предстоящей семилетки можно назвать постепенное, начиная с 1964 года, сокращение рабочей недели. Осуществляется мечта, которая не так давно могла показаться утопией: впервые в истории простой человек будет работать только 5 дней в неделю по 6—7 часов, а 2 дня в неделю — отдыхать. Самый короткий в мире рабочий день и самая короткая рабочая неделя — это ли не свидетельство неоценимых преимуществ социалистического строя!

Ярким прожектором освещают контрольные цифры будущее нашей Советской страны. Настигнутые ослепительным светом этого прожектора, мечутся враги человечества, апологеты империализма, провокаторы войны и агрессии. Перед лицом неопровержимых фактов они вынуждены несколько поумерить свои вздорные антисоветские измышления.

Семилетний план — план, созданный на радость не только советским людям, но и братским народам социалистических стран, всем труженикам земного шара. Семилетний план — это план уверенного движения вперед, к сияющим вершинам коммунизма.

В дни, когда все советские люди с огромным воодушевлением готовятся к XXI съезду партии, родилась новая замечательная инициатива: возникли бригады коммунистического труда. Они возникли и в заводских цехах, и в колхозах, и на шахтах, эти бригады создают и пожилые и молодежь.

Трудиться так, чтобы приносить Родине все больше пользы; на работе, в учении и в быту — всюду вести себя по-коммунистически — вот в чем смысл нового начинания.

Новое развитие великого почина, родившееся в гуще народных масс в предсъездовские дни, приблизит светлые дни коммунизма!

Одна из первых бригад коммунистического труда, созданных в депо Москва-Сортировочная Московско-Рязанской железной дороги. Слева направо: машинист С. С. Шманев, помощник машиниста И. Н. Обивалин и кочегар Н. Ф. Бессонов.

Фото Я. Рюмкина.

ПАРТИЯ СОВЕТУЕТСЯ

Советские люди горячо одобряют программу развернутого

ЧУДЕСНОЕ НАСТРОЕНИЕ

А. СТАРКОВ, К. ЧЕРЕВКОВ

Герой Социалистического Труда депутат Верховного Совета СССР фрезеровщик А. Бородулин.

Ленинград живет в эти дни как-то по-особому воодушевленно.

Ленинград читает тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева о контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы, тезисы, вынесенные на обсуждение народа и взволновавшие наши сердца.

Полновесно звучит на широко развернувшемся ныне всенародном вече голос трудового Ленинграда.

Это голос огромных коллективов и отдельных тружеников. Это большие и малые дела, вливающиеся в единый великий поток.

Вот мы у паротурбинщиков Металлического завода. Вчера был многотысячный митинг, который кипел, клокотал... А сегодня обычное цеховое рабочее собрание в красном уголке. Сдержанные, может быть, даже суховатые речи. Но прислушайтесь: за негромкими, будничными словами накал и страсть вчерашнего митинга. Настроение тоже боевое, наступательное.

О чем разговор? О завершении годовой программы. Хотели «закрыть» ее к 20 декабря. Осталось собрать и испытать на стенде 2 турбины по 50 тысяч киловатт для новых электростанций. Появилась возможность сделать это на 5 дней раньше. Коротко рапортуют начальники участков. Взвешиваются все «за» и «против». Выслушиваются претензии. Ну, в общем, как на всяком таком собрании. И все же оно не совсем обычно, это собрание. Оно занято заботами насущными, а глядит в будущее, потому что обе машины начнут работать в семилетке. Так пусть же быстрее выходят они на направление главного удара в энергетике... Решение: «закрыть» годовую программу к 15 декабря.

Но есть еще дела, как говорится, сверх программы. Поступило письмо от китайских товарищей из города Гирина, где строится тепловая электростанция. Друзья в самых лестных выражениях заранее благодарят за турбину, которая должна быть поставлена им к 1 февраля 1959 года, и убедительно просят сделать это на месяц раньше. И собранию понятна эта просьба. Большой скачок! Все для большого скачка, для больших свершений! А такой порыв всегда найдет в наших людях добрый отклик. И откуда-то от окна раздается:

— Уважить!

Прекрасное русское слово... Труженики Выборгской стороны решают уважить просьбу тружеников далекого Гирина!

И еще одна просьба. Она с Выборгской же стороны, из Политехнического института. Тамошняя лаборатория просит срочно изготовить специальную турбину для исследовательских целей. Письмо подписано профессором М. Н. Бушуевым, воспитанником паротурбинного цеха, в котором трудились когда-то и его отец и его дед... Турбина нужна для науки. А наука работает на завод, на его будущее, на семилетку. И поэтому:

— Уважить!

И еще раз, в третий раз, слышим мы это слово на собрании.

Теперь речь идет вот о чем. Паротурбинный до недавнего времени был на заводе единственным цехом такого профиля. Он ветеран, построивший полвека назад малютку в 200 киловатт и недавно отправивший на Урал уникальную громадину в 200 тысяч киловатт — в тысячу раз большую, чем первая! Но эту машину цех осваивал уже с трудом, с натугой, потому что не приспособлен ни для таких габаритов, ни для таких мощностей.

И вот в канун XX съезда партии, когда шло обсуждение проекта его Директив, на рабочих собраниях многие предлагали создать на заводе еще один паротурбинный цех. И сделать это на базе крупнейшего механосборочного, построенного уже после войны и прекрасно оборудованного. То было провидение рабочих людей, которые умом и сердцем как бы угадали будущее главное направление всей нашей энергетики. На заводе появился второй паротурбинный цех, и как он оказался теперь ко времени! Он будет строить все мощные машины, начиная со 100 тысяч киловатт. У него в работе уже вторая 200-тысячная. Есть уже технический проект 300-тысячной! И уже показался в задумках «хвостик» 600-тысячной! Вот какой это будет цех! Мы говорим «будет», потому что пока он еще набирает и силы и опыт. И тут-то и устремляется ему на помощь ветеран. Ветеран, у которого молодой богатырь скоро отберет, так сказать, пальму первенства, но который бескорыстно подсобляет сейчас юному бойцу. Вот и сейчас собрание решило помочь молодому собрату, который немножко «завяз» с 200-тысячной, и взять на себя обработку ряда важных узлов этой турбины. И сделать это помимо программы, сверх плана!

Трудовое товарищество...

Так шло это собрание. Все оно было пронизано прекрасным настроением, которым охвачены сейчас рабочие люди. Это — настроение человека, которому хочется вершить, строить, который рвется в бой, у которого, как принято говорить в народе, «чешутся», тянутся к работе руки...

Таким было настроение и у Александра Васильевича Бородулина, Героя Социалистического Труда, депутата Верховного Совета СССР, когда мы подошли к его станку. Он обрабатывал детали для 50-тысячной, и на его рабочей тумбочке синька с чертежом лежала рядом с газетой, в которой были напечатаны тезисы. Нам это соседство показалось символическим. Труд, дело, всегда подкрепляет у нас желание, мечту, делает их осуществимыми.

Чудесное настроение было и у Василия Михайловича Бирюкова, токаря, лауреата Сталинской премии, чей резец под названием «резец Бирюкова» вошел в техническую литературу. Мы столкнулись с ним в дверях цеха. Он очень спешил куда-то с пачкой чертежей под мышкой.

— Василий Михайлович, как живы-здоровы?

— Только что из отпуска.

— Хорошо выглядите. Где отдыхали?

— В Риге.

— На взморье?

— Да нет, в самой Риге.

— В доме отдыха?

Смущен Василий Михайлович.

— Видите ли... Тут такое дело. Попросили меня товарищи опробовать новую режущую пластинку и побывать с ней на рижских заводах: на ВЭФе, на вагоностроительном. Ну вот я побывал. Внедрял там. Увлекся!

— А как же отдых?

— Отдых? Очень хорошо отдохнул. Занялся новым для себя делом. Освежился, можно сказать.

Ну что поделаешь с таким беспокойным человеком?..

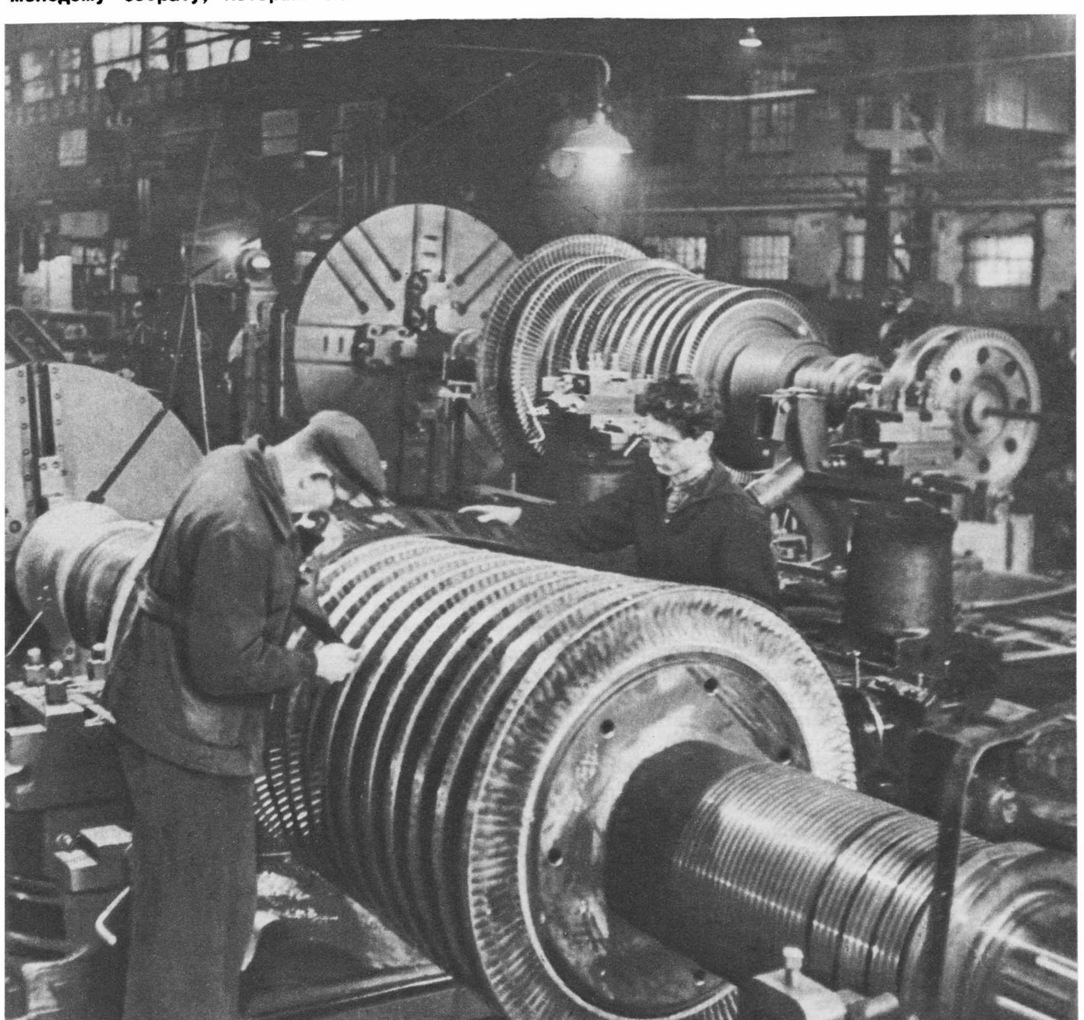
— А это что у вас за чертежи?

— Ручную шабровку хочу заменить машинной. Приспособляю продольно-фрезерный станок. Это для новых турбин. Для семилетки...

Вот такое настроение у Василия Михайловича. Прекрасное настроение человека, который чувствует себя хозяином на земле.

Так живет, думает, трудится в эти дни рабочий Ленинград.

В паротурбинном цехе Металлического завода.
Фото Б. Уткина.

С НАРОДОМ

строительства коммунистического общества

ОДНА СТРОКА

О. ШМЕЛЕВ

Мастер Герасим Константинович Потапов в то утро сначала не стал читать «Правду» подряд. Он перевернул первую страницу, бегло пробежал по заголовкам второй и, наконец, остановился на той колонке третьей страницы, где жирно выделялось слово «машиностроение». В цехе Герасим Константинович заметил: каждый, кто брал в руки газету, действовал точно так же. И ему подумалось, что сейчас и в других местах люди, развернув «Правду» с тезисами доклада товарища Н. С. Хрущева, останавливаются прежде всего на тех страницах, на тех разделах тезисов, где речь идет непосредственно об их работе. Каждый ищет первым долгом что-нибудь «про нас». И все находят.

Сложив газету и сунув ее в широкий карман куртки — «остальное внимательно прочитаем вечером»,— Потапов пошел к себе на механический участок...

День начался обычно, и заботы у мастера участка были обычные, давно известные. Но в тот день, у какого бы станка он ни остановился, с кем бы ни заговорил по делам: с карусельщиком Петром Ивановым, или со сверловщиком Владимиром Губицыным, или с кем другим,— разговор обязательно переходил на одно: там, в тезисах, есть и о нас, о московском заводе имени Владимира Ильича,— в той строке контрольных цифр, которая посвящена электродвигателям.

Сигнал обеденного перерыва застал мастера возле карусельного станка, на котором работал Иван Григорьевич Маруков. Здесь разговор затянулся. И шел он о той же цифре, но немного в ином плане: почему намечено выпустить в 1965 году электродвигатели общей мощностью именно в 32—34 миллиона киловатт, не больше и не меньше? Два коммуниста старались осмыслить, как родились именно эти цифры, а не другие...

Есть в тезисах один абзац, который по видимости не связан ни с какой определенной, конкретной цифрой, но который дает прямой ответ на вопрос, возникший у мастера Потапова и карусельщика Марукова. Он начинается так: «Наша партия, ее Центральный Комитет при решении вопросов коммунистического строительства постоянно советуются с рабочими, колхозниками, интеллигенцией, опираются на их опыт и знания, прислушиваются к их предложениям и критическим замечаниям».

— Мне вот какая мысль пришла,— помолчав, сказал Герасим Константинович.— Наш механосборочный цех обязался в ноябре месячный план перевыполнить на три с половиной процента, себестоимость снизить по сравнению с октябрем на полтора процента, а производительность труда на столько же повысить... Вроде пустяковая величина — полтора процента, а если каждый месяц эти полтора неизменно прибавлять, сколько за семь лет получится? Грубо говоря, как раз того прироста продукции и достигнем, который установлен по электродвигателям переменного тока,— в 2,2 — 2,4 раза больше, чем в 1958 году.

Каждый новый завоеванный сегодня цехом процент ложится крупицей бетона в тот фундамент, на котором построен грандиозный план предстоящего семилетия. Каждый лишний выпущенный заводом электродвигатель вольет свою энергию в те миллионы киловатт, которые запланированы на 1965 год. В одной строке контрольных цифр, говорящей об электродвигателях, слиты дела и замыслы всех, кто производит эти электродвигатели.

Именно поэтому, обсуждая сейчас тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, ильичевцы твердо знают: все, что задумано, будет сделано.

Иван Григорьевич Маруков и мастер Герасим Константинович Потапов.

Фото А. Гостева.

С БОЛЬШОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬЮ

Колхозники сельхозартели «Первое мая», Макаровского района, Киевской области, обсуждая тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС, говорят о конкретных делах, которые ждут их завтра.

Вот взяла слово заведующая колхозной птицефермой Анна Дембовская:

— Птицы у нас три с половиной тысячи голов. А к концу семилетки будет во много раз больше. И без механизации нам тогда никак не обойтись. Надо новые помещения строить, хорошо оборудованные. Тут есть над чем подумать, над чем трудиться всем нам.

С пристрастием, с большой заинтересованностью ведут колхозники разговор о семилетке.

Д. ПОПОВ

Фото Н. Козловского.

18 ноября в Москве состоялось вручение диплома и золотой медали лауреата международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» выдающемуся немецкому писателю и борцу за мир Арнольду Цвейгу.

На снимке: председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами Н. В. Попова прикрепляет А. Цвейгу медаль лауреата. Слева — академик Д. В. Скобельцын.

Фото А. Новикова.

Студенты заочные...

Студентка третьего курса конструктор Н. И. Феоктистова и лаборант Радж Захарбеков в лаборатории строительной механики.

В развитии нашей высшей школы надо идти прежде всего по линии ВЕЧЕРНЕГО И ЗАОЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. Обучение в системе вечернего и заочного высшего образования необходимо всемерно расширять и поднять на новый качественный уровень.

Из тезисов ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в стране».

Я. МИЛЕЦКИЙ

Фото Б. Кузьмина.

Тридцать шесть тысяч студентов учатся во Всесоюзном заочном политехническом институте. Это самый большой вуз в нашей стране! Но рассказ о нем мы начнем с двух рядовых студенческих семей — Крещишиных и Кострубов. Крещишины живут в Москве, Кострубы — в Ташкенте и не знают друг друга. На то они и заочники.

В одно из воскресений мы побывали на квартире инженера Т. Т. Крещишина.

Глава семьи Трофим Трофимович — аспирант-заочник — был занят подготовкой кандидатской диссертации, и беседу начала его жена Вера Ефимовна, в прошлом году получившая диплом инженера.

— Давно уже я работаю на машиностроительном заводе вместе с мужем, но высшего образования не имела,— рассказывает она.—Знаний не хватало. Решила учиться и избрала заочный вуз. Приходилось ли мне трудно? Конечно! Ведь у меня было уже двое детей! Зато насколько интересней стало теперь, насколько расширился мой кругозор! Хотя продолжаю работать в той же должности, что и прежде, но пользы приношу куда больше.

Наш сын Геннадий,— продолжала Вера Ефимовна,— пошел после школы в ученики слесаря и затем стал студентом заочного политехнического. Теперь он на третьем курсе, а на заводе работает уже техником-конструктором. Учится хорошо.

Геннадий, склонившийся над чертежной доской, поднял голову.

— Когда работаешь по той же специальности, и учение лучше идет,— сказал он и снова углубился в свои чертежи.

Через несколько лет, когда Геннадий станет инженером, с ним будет советоваться младшая сестра, Лариса. Сегодня она еще десятиклассница, но уже мечтает о заводе и о заочном институте.

— Изберу ту же специальность, что и все наши,— заявляет она.— Станки и инструменты!

По одному пути идет и живущая в Ташкенте семья Степана Михайловича Коструба, но там все автомобилисты.

Сам Степан Михайлович в прошлом году получил в заочном политехническом диплом инженера. Его жена Зинаида Николаевна сейчас на шестом курсе. В институте нам показали телеграмму от нее: «Готова выехать в Москву для дипломного проектирования». Но, к сожалению, приходится повременить: нет мест в общежитии для дипломников, а три новых корпуса пока еще не готовы.

Галина, дочь Степана Михайловича и Зинаиды Николаевны,— студентка третьего курса того самого заочного института, который окончил отец и заканчивает мать.

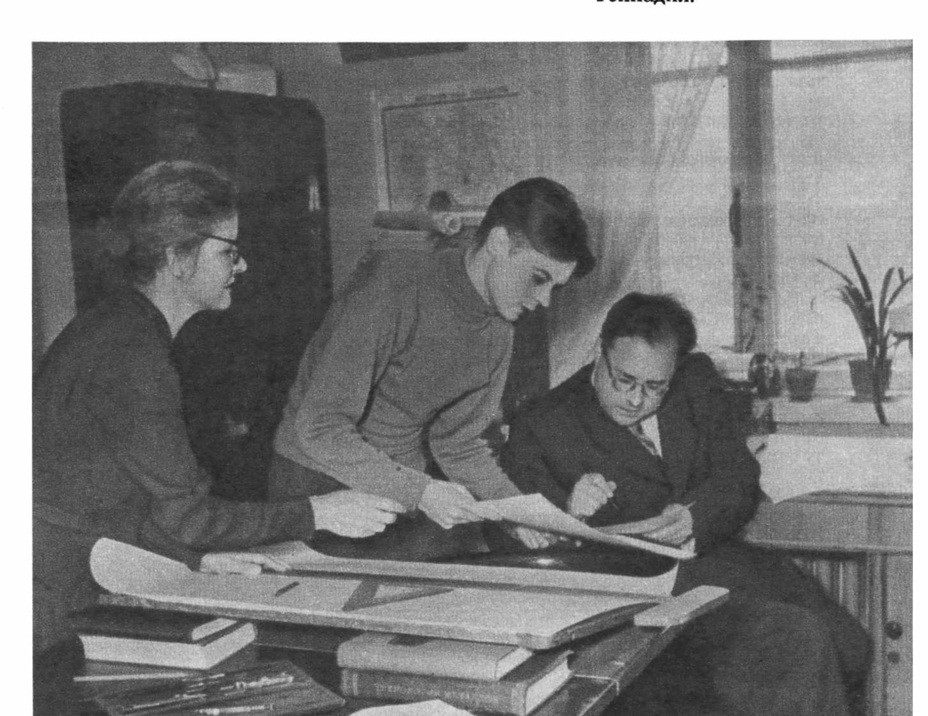
Возможно, что фамилия Коструб еще не раз появится в списках студентов-заочников: в семье подрастают еще двое детей.

Всесоюзный заочный политехнический институт на своих десяти факультетах готовит инженеров 62 специальностей. В подавляющем большинстве это люди моложе сорока лет. Студентов заочного политехнического можно встретить повсюду: от Калининграда до Воркуты, от Баку до Магадана.

В 29 городах и поселках страны есть учебно-консультационные пункты института. Здесь студенты по вечерам слушают лекции, проводят лабораторные занятия.

...И вот мы в одной из аудиторий Московского энергетического института, отданной на этот вечер заочникам-первокурсникам. Все они пришли сюда после трудового дня. Зал переполнен.

В семье Крещишиных мы застали за учебой и Веру Ефимовну, и Трофима Трофимовича, и их сына Геннадия.

На лекции доцента А. В. Бубенникова.

Лекцию читает заведующий кафедрой начертательной геометрии и графики доцент Александр Васильевич Бубенников. Уже после войны, в зрелом возрасте, Александр Васильевич окончил заочный политехнический, потом заочную аспирантуру и защитил здесь кандидатскую диссертацию.

— Мои коллеги-заочники — народ серьезный, упорный,— говорит Бубенников.— Они твердо решили получить высшее образование, несмотря ни на какие трудности. И дороги для них открыты все, в том числе, как видите, и научная стезя.

Тут вспомнился нам пожилой студент, повстречавшийся в одной

В почтовой экспедиции института. Экспедитор А. М. Белоусова у маркировочной машины.

из лабораторий. Вынув из кармана записную книжку, он прочитал песню собственного сочинения:

Студенты мы заочные,
И знанья наши прочные:
В цехах добытые,
Теорией сбитые
На добрый век!..

...Мы пришли в почтовую экспедицию института. Отсюда отправляются письма, бандероли, посылки во все концы страны: программы, пособия, учебники, контрольные задания... Огромный поток корреспонденции проходит через специальную маркировочную машину, и ее штемпель заменяет почтовую марку.

Алла Михайловна Белоусова стоит возле такой машины. Посмотрим, кому отсылает она сегодня письма.

Остров Диксон. Есть, оказывается, студент-заочник и там, за Полярным кругом. Это Николай Сидоров, техник радиостанции. А вот Игарка, письмо Василию Сизову, инженеру полярной авиации, студенту-заочнику 3-го курса.

На конверте написано: «Поселок Мирный, Якутия». Там учится Лидия Миронова, сотрудница треста «Якуталмаз». На другом конверте указаны город Уссурийск в Приморье и адресат: Михаил Сидельников, начальник отдела капитального строительства. Вот письмо, адресованное в поселок Буревестник, Курильского района, Сахалинской области. Там живет студентка-заочница Елена Котова.

Два пакета заготовлены в Ленинабад, и на обоих одна и та же фамилия — Саркисян. Это два брата: старший — на третьем курсе, а младший только что поступил в институт. Писем в один адрес и с одной фамилией немало: то мужу и жене, то брату и сестре, а то и отцу и сыну... Семьи Крещишиных и Кострубов не исключение.

Кипит жизнь в институтской библиотеке. В ней почти полтораста тысяч книг и учебников. У окошек, где выдают их, непрестанно толпится народ.

— Зеленую улицу дипломнице! — раздается чей-то шутливый возглас, и к окошку, улыбаясь, подходит девушка.

Дипломники пользуются первоочередным правом получения книг.

Мы встречались с дипломниками в подмосковном общежитии, которое институт арендует, ожидая, пока будет окончено строительство трех собственных корпусов. В общежитии сейчас живут более трехсот студентов, которые вот-вот получат дипломы. А всего в этом году институт даст стране почти полторы тысячи инженеров разных специальностей...

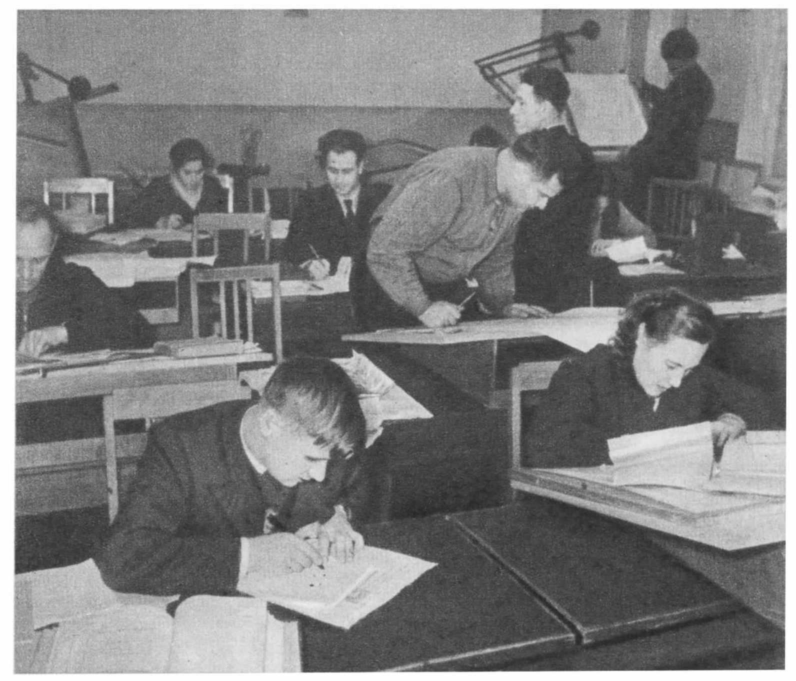
Мы познакомились с дипломниками и дипломницами из Алма-Аты, Томска, Улан-Удэ, Саратова. Где бы ни жил студент-заочник, дипломный проект он пишет, и защищает только в Москве.

Под конец мы побывали в зале, где пятеро выпускников защищали дипломные проекты. За столом государственной экзаменационной комиссии сидели маститые ученые, на лицах проектантов явно выражено волнение. Мы подождали, пока все пятеро защищавших проекты получили право именоваться инженерами. Лица их расцвели улыбками. Вот тогда-то мы и сфотографировали Евгения Васильевича Чугункина, бывшего токаря, затем строителя Дворца культуры и науки в Варшаве. Товарищи преподнесли ему цветы:

— Поздравляем, товарищ Чугункин!

Потом все пятеро со смехом и шутками вышли из зала. Казалось, что они поют про себя песенку, сочиненную их товарищем:

Студенты мы заочные,
И знанья наши прочные...

Один из кабинетов дипломного проектирования, где трудятся студенты-выпускники. Здесь собрались люди из разных городов. В. Оводов (на переднем плане) приехал из Подольска, Р. Пчельникова — из Тулы.

Товарищи поздравляют Е. В. Чугункина, успешно защитившего дипломный проект и ставшего инженером.

ПО РУССКОЙ ЗЕМЛЕ

СТОРОНА ОЗЕР

Василий ТИТОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

Партизанский край

Не встретили мы товарищей, что шли от Сталинграда до Брянских лесов. А не встретив их, повернули прямо на север да вот и идем и едем уже который день, ночуя, где ночь застанет.

Ну, что сказать: милая, близкая сердцу земля! Географы весь этот край до Балтики называют краем озерным, а в песнях земля зовется голубою Русью. И впрямь здесь все голубо! И небо над головою, и необъятные лесные дали, и озера луговые, и полевые озера цветущего льна, и людские глаза... Тут даже любой сельский колодец смотрит на тебя снизу голубым оком, когда в жаркий полдень притомишься и нагнешься к нему воды почерпнуть. Голубая Русь!

И идти по ее дорогам весело и ехать, какие бы они трудные ни были, хорошо. Почему? Да потому, что она не только вся голубая, а и вся новая. Свернешь с накатанного автомобильными шинами асфальта большой дороги куда-нибудь в сторону по проселку через хлеба и увидишь: над голубой речкой на бугре село стоит. Село как село, а вглядишься — постройки стоят все новые и дерево еще на них от дождей и времени почернеть не успело. Спросишь тогда жителя так, будто ничего толком не знаешь об этих местах:

— Скажите, товарищ, вы, что же, переселились откуда-нибудь?

— Какой там переселились! — получишь ответ.— На своих коренных уселках заново встали. Ведь тут же война была.

Или встретишь — грохочет тележный обоз по новому мосту через глубокую речку, догадаешься: на луга за сеном едут. А поодаль увидишь: в воде старые сваи стоят, крепкие еще, хоть и позеленелые давно. И опять так спросишь:

— А что же старый мост бросили, или худ уж совсем был?

— А ну его к черту! — ответят с телеги.— Там, под этим мостом, фашистской техники уйма. Сколько машин да одних повозок ихних со всей упряжью туда, под сваи, ушло! Как стали становиться на старых местах, так решили моста того не строить. Да и то резон: новый мост к селу ближе, в обход теперь не ездим.

— Ну, а где же все-таки встали?

— Да говорю же, на старых местах! Вон на изволок поднимитесь, тут и стоим, как стояли.

Встали! А нелегко было встать! Край партизанский, Великолукский, упорный. Тут война разором хлестала во все концы. Каждая деревня была здесь партизанской, почти из каждой семьи ктонибудь да воевал. Смыкались плечо в плечо великолукские партизаны с брянскими отрядами народных мстителей, держали боевую связь до Пскова, до Новгорода, до Балтийского побережья. И оккупанты знали об этом. Но знать-то — одно дело, а сунься — получается другое. С малыми силами гитлеровцы не лезли ни в Брянские, ни в Великолукские леса, ни в села. Деревни подвергались бомбардировкам с воздуха. И стоило здесь показаться карательным отрядам где-нибудь на лесных дорогах, весь партизанский край поднимал тревогу: «В ружье!».

Есть здесь Себежский район, в этих лесах. И есть в этом районе такое лесное место — Лоховня. Леса, боры, болота, речки... Вот тут и был тогда центр партизанского края. Тысячи славных партизанских имен записаны здесь в книги человеческой памяти, многие народные мстители живы и сейчас.

И вот казалось: долго, очень долго придется подниматься по-

НАЯ

сле войны из развалин этому краю, долго вставать. Ан встал, весь поднялся! И не то что встал, а и дальше, дальше живет!

Был на пути город Великие Луки. Развалины его мне помнятся. И помнится еще одно: гитлеровцы тогда хвастливо сообщали, раззванивая на весь мир, что не подняться уже этой земле, где стоят Великие Луки, Новгород, Старая Русса, что хорошо они тут «поработали». А вот когда мы с вокзальной стороны вошли в Великие Луки, город стоял перед нами новый и светлый. Новые кварталы больших домов, каких Великие Луки не знали прежде, тянулись далеко, на другой его край, а в садах и скверах было шумно и нарядно. За хорошим мостом через Ловать в новом парке на высоком месте под голубым куполом неба стоял памятник Александру Матросову. Скульптор так сумел заключить в бронзу фигуру молодого солдата с автоматом и гранатой в руке, что казалось: он живой, и боец сейчас же шагнет вперед и метнет навстречу врагу тяжесть смертоносного металла, начиненного гремучим гневом мести. Отличный памятник был перед нами!

И мы, глядя на него, не раз и не два задавали себе один и тот же вопрос: не он ли, этот молодой патриот и боец, есть могучее олицетворение тех вечно молодых сил народа этой земли, который сумел отбить и выпроводить врага? Да, это не только один Матросов — это тысячи молодых и старых великолукских людей, что развернули здесь партизанскую войну на рельсах, что по-дедовски, как и сотни лет встарь, при приходе врага умели целыми селами отсиживаться в глуши просторных лесов и бить беспощадно и днем и ночью вступившего на святую землю Родины врага.

Вечером, когда уже по городу на легком ветру раскачивались золотые шары фонарей и у драматического театра толпилась молодежь, сидели мы в горкоме партии и беседовали с Владимиром Ивановичем Марго, старым великолукцем, о разных делах.

Он говорил о своем городе, где выросла уже не одна тысяча больших каменных домов, о том, что в городе работает хорошая трикотажная фабрика и еще пришла весть, что будет строиться здесь большой льнокомбинат. Он рассказывал о восстановленных предприятиях местной промышленности, о продукции Невельского завода консервированного молока, о стекольных изделиях бежаницкого стеклозавода «Красный луч»; его интересовал то торопецкий и великолукский лен, то Ловатская низменность, где есть полтора миллиона гектаров еще не возделанной земли, которая ждет рук и техники.

— А это,— говорил он,— сорок процентов всей пахотной земли недавней нашей Великолукской области, да, кроме того, еще много перелогов и залежей.

И мы идем по этой земле все дальше на север, и она радует сердце.

Дальше на север

Вот если так идти на север и думать о лете, то кажется: лето и не кончается, а вместе с тобою идет туда же, на север. Мы выехали из Москвы, когда уже отцвели липы. А здесь они еще только цветут. Подует ветер — и принесет из леса сразу целую охапку медового запаха. А то услышишь, как близко где-то пчелы гудут. Тогда, значит, ветер не от липы дует, а на липу, и запаха ее не слышно. Все шире голубые озера льна в полях, рожь пожелтела.

Мы уже вышли на Великую и любуемся ее озерами. Вся она в верховом течении своем бежит в молодых лесах, переливаясь из озера в озеро. Можно за какой-нибудь дикой уточкой с выводком — хлопунками, что летать еще не умеют, но что выплыли уже из камышей на большую воду, идти так вдоль берега, и уточка приведет к новому озеру. Затаится в камышах одна с выводком, выплывет другая и поведет тебя дальше. И так можно долго идти и совсем ни у кого не спрашивать, куда повернет река.

На Великой новость: здесь строятся электростанции. С последнего озера на реке мы так и пришли к Шильским порогам, километрах в шестнадцати от Опочки, и увидели электростанцию. Небольшая, всего в полторы тысячи киловатт. А сколько хорошего и радостного подсказала она! Иван Тихонович Григорьев, начальник строительства электростанции, показывая нам сооружения, говорил:

— Таких можно много построить и на Великой и на других реках. Все дело за Главсельэлектро Российской Федерации. А ему-то и надо знать, что в этих основных районах льноводства ни земли, ни сельского хозяйства как следует без электроэнергии не поднимешь. Тут сейчас такое пошло: все стремятся обзаводиться льнотрепальными машинами. А без электричества они, что конь без овса. Ведь все вперед живем, а не назад. Это — главное.

В самом деле, если подумать над экономикой этих мест, то сразу станет понятно, что основа ее — сельское хозяйство. Главным тут будет все еще лен, на втором месте стоит животноводство. И не раз уже мы слышали в дороге разговоры об электричестве. Когда заходила речь о животноводстве, чаще всего говорили об устаревших уже типовых кормокухнях, где много ручного труда уходит на мойку и резку корнеплодов, а то и на качку воды на фермы.

— Вот бы нам дешевого электричества побольше, дело бы лучше пошло. А то мы живем все на своем, от дизелечков берем, а местами и этого еще нет,— говорили нам.

Когда же толковали о льне, нам так говорили:

— Лен для хозяйства — очень выгодная культура. Но при каких условиях? До сих пор мы чаще всего сдавали лен на льнозаводы соломкой. Сдавать соломкой — меньше получишь. Сдавать льноволокном — доход больше. Но как обмять сотни центнеров соломки на простых, ручных мялках? А сушка? Вот тут у нас и загад: приобрести льнотрепальные машины, оборудовать сушильни. А для этого нужно много дешевого электричества и, главное, надежного, постоянно действующего.

Это мы слышали в колхозах на Алоле, слышали и под Великими Луками.

Электростанция на Шильских порогах будет давать ток в колхозы Опочецкого района. Это вторая электростанция на Великой. Первая встала в Идрицком районе, у села Максютино.

— Ну, а как же дальше, с другими районами? — спрашивал Иван Тихонович.— Есть смысл строить в наших местах тепловые электростанции. Залежи торфа у нас огромны, но нетронуты. Не это ли ключ к тому, чтобы двинуть электроэнергию в самые отдаленные места? Кстати, это освободит колхозы от излишних забот о своем электрохозяйстве, которое не везде хорошо и правильно ведется, а средств забирает много.

А Опочка была уже близко, были близко и Остров и Пушкинские Горы.

Опочка и Остров, как и Воронич,— все они стоят в цепи крепостей, некогда оберегавших с запада новгородские земли, начиная от Великих Лук до Пскова. Опочка и Остров выросли в довольно большие города. А Воронич как отслужил свои войны с Ливонией, так и стоит по сей день, как древняя земляная крепость. Там, на этом городище, родовое

Памятник в Великих Луках Герою Советского Союза Александру Матросову работы Е. Вучетича.

кладбище владельцев Тригорского, а Тригорское входит в состав Пушкинского заповедника. И как тут обойти заповедник и не побывать в нем?

В Опочке мы смотрели старую почтовую станцию на тракте — станцию времен Пушкина.

В самих Пушкинских Горах новость. Здесь показали нам место, где заложили памятник Пушкину. В будущем году исполняется сто шестьдесят лет со дня рождения поэта. К этому времени здесь собираются воздвигнуть большой памятник Александру Сергеевичу работы московского скульптора Екатерины Федоровны Белашовой.

А как трогательно мил тот маленький памятник, что стоит над могилой поэта!

Пушкинские «сени» с полями, с вековым парком, с озерами и голубой Соротью, со старыми крепостями Вороничем и Савкиной горой все те же, как и много лет назад. Казалось, что по полям и лугам Пушкин тут бродил недавно, а в парке под ветвями столетних лип и елей все еще чудится его время и его тень.

Живет здесь, в заповеднике, замечательный человек—Семен Степанович Гейченко. Вот уже тринадцать лет подряд, прямо с окончания войны, работает он здесь, бережно воссоздавая и охраняя тот пушкинский облик мест, какой, пожалуй, был и при жизни поэта. У Гейченко нет левой руки, седеют волосы, а цветы он растит на усадьбе все те же, что росли при Пушкине, и яблоки в саду у него зреют «пушкинские». Слыхали ли вы про «михайловское» яблоко или «антоновку-ганнибаловку»? Все эти так называемые теперь «местные» сорта когда-то были выведены дедами Пушкина здесь, в Михайловском, а позднее утеряны. Семен Степанович разыскал эти сорта в окрестных крестьянских садах, теперь они опять растут в Михайловском.

Мы жили в этом саду, ночевали в маленькой сторожке — «Ковчеге» — и слышали утром неторопливые шаги Семена Степановича, обходящего дозором усадьбу. А ведь и здесь все было разрушено — и дом поэта и домик его няни — и сад вырублен. Сколько стоило труда, бессонных ночей, научных поисков и забот этому человеку, чтобы восстановить дорогую сердцу каждого русского драгоценную усадьбу почти в том виде, в каком была она и при жизни поэта! Знают об этом, пожалуй, только он сам да те немногие сотрудники, что работали с ним вместе. А вот восстановлено все, до последней портретной рамочки, и все по-прежнему здесь дышит Пушкиным! И мы молча поблагодарили за все это скромного, простого и хорошего человека.

Потом мы были в древнем селе Велье, в колхозе «Смена», где привелось быть года три назад. Здесь тоже много новостей. Во-первых, три года назад никто и не думал о подкормке посевов с самолета. Теперь это сделали. Значит, колхоз побогател, поднялся, коли в состоянии брать для работ самолет. Во-вторых, мы узнали, что здесь уже не только посевы начинают подкармливать, а и луга. Это — тоже новое в жизни колхоза, чего не было три года назад. Значит, крепнет, есть силы.

— Только вот куст бьет наши луга,— сказал нам заместитель председателя колхоза Семен Петрович Петров, когда повел к озерам посмотреть травы.— Своих лугов у нас немного. Но и те, что получаем под сенокос из госфондов, куст бьет.

Город на Великой

Русские историки почти всех времен называют Псков боевым оплечьем Новгорода. По старорусскому понятию, оплечье — это часть боевых доспехов воина, кованая броня или металлические пластинки, что подвижно укреплялись на плече или вшивались в одежду для защиты плеча от удара мечом. Еще слово «оплечье» значило запросто надежную опору на кого-либо в ратном, политическом и даже торговом деле, и так оно дошло до нас и значит примерно то же самое. И хотя трудно спорить, кто из этих городов старше — Псков или Новгород,— и хотя и отмечает древний летописец, что «О Плескове городе от летописания не обретается воспомянуто, от кого создан бысть и которыми людьми», мы, когда вошли в город, уже знали, что создан он заново советским человеком. Историческая слава Пскова, камни его кремля, его былые ратные подвиги, его вклад в русскую культуру, его ремесла, его стремление к свободолюбию — все это гордость людей, населяющих край, идущая еще исстари, от кривичей — коренников этой земли.

Но вот когда по асфальтированной дороге, бегущей из Киева на Ленинград, приехали мы в Псков, то задали себе и другой естественный вопрос: «Ну, а этот наш, послевоенный Псков кем создан?» Без преувеличения можно сказать, что и он, как Великие Луки, стоял перед нами совершенно новый. Может быть, говорить о том, что здесь были все новые дома, многоэтажные, красивые, и было их много, значит почти ничего не сказать о городе? Но когда въезжаешь в Псков, о котором знал, что был он войною снесен почти целиком с лица земли, прежде всего глядишь на дома и на его улицы и говоришь себе с гордостью: да, он тоже не только победил, а встал, поднялся на старом своем корню! Пусть старая его история хороша, но не с нею жить людям, а творить новую.

Новыми своими улицами Псков давно перебрался в Запсковье, шагнул в Завеличье, белым камнем новых стен поднимался над Великой древний детинец — Псковский кремль. Возле него на стенах стройки, у реки, где высилось здание нового кинотеатра, работали каменщики, а рядом археологи вели раскопки. Но особенно хорош был Пролетарский бульвар — главная улица города,— осененный зеленью высоких тополей и застроенный красивыми домами, так что казалось, война тут, может быть, даже и не была. В Завеличье можно было сесть в автобус, чтобы уехать в Опочку, в Пушкинские Горы, в Остров; на пристани — на теплоход, чтобы ехать по Чудскому озеру в города Эстонского побережья: река Великая, выбравшись здесь изо всех своих верховых тихих озер, близко от города вливается в Псковское озеро, чтобы вывести затем суда на просторы чудской волны. И здесь была всюду кипучая, трудовая жизнь, со своими заботами и делами, словно все хотело сказать: и мы, псковичи, живем все вперед, все вперед. Были тут разговоры и о водопроводе, хлопоты и заботы о хлебозаводе и о новых банях. Но во всем этом тут радовало нас, приезжих, более всего одно, о чем надо сейчас рассказать: псковичи выдержали многолетний бой за социалистический облик своего города. И с кем же? С архитекторами — ревнителями старины!

— Город-музей!—говорили они.

— Город для жизни, социалистический Псков! — говорили псковичи.

Победил трезвый разум людей, которые видели в облике своего города не древность, а новую, своими руками создаваемую жизнь.

Обо всем этом рассказывал нам Борис Валерианович Кленевский, главный архитектор города, молодой сравнительно человек с умными и пытливыми глазами.

— Ведь у нас здесь тридцать две древних церкви, сто с лишним памятников архитектуры. Разве возможно равняться по ним!— говорил он, показывая нам новую, реконструированную набережную у Довмонтова городища.— Эдак бы мы так настроили, что потом про нас будущие поколения сказали бы, как часто новгородцы говорят: «Ладила баба в Ладогу, а попала в Тихвин».

Мы долго ходили по Пскову, забираясь в отдаленные его уголки. Не весь он еще отстроен, еще долго строиться ему. Но у него есть генеральный план стройки, и он вырастет краше прежнего. Только все же одна мысль приходила в голову, когда мы ходили по улицам древнего города на Великой: будущая застройка домами свободных площадей неминуемо приведет к тому, что многие старинные архитектурные памятники — краса и гордость Пскова — окажутся закрытыми новыми зданиями. А этого во многих местах можно избежать.

Общительные псковичи, среди которых были уже и друзья и знакомые, говорили нам:

— Поживите еще у нас недельку, скоро к нам приезжает на гастроли драматический Воркутинский театр. Пойдет фильм «Иван Грозный». Неужели не интересно посмотреть вам Грозного во Пскове, у которого он вконец отобрал когда-то все вольности? Или вот сходите вверх километров за десять по Великой на Выбутинские, последние на реке пороги, поглядите эти места. Там, в Выбутине, по преданию, родилась одна из замечательнейших женщин — княгиня Ольга. Она не только с Гдова дань брала, а и Киевом правила.

— Нет,— отшучивались мы,— старины вашей с нас и так достаточно. Впереди ее еще много будет. Лучше поищем мы себе рыбаков, лесорубов, льноводов.

...Мне всегда казалось, что лен — какое-то очень капризное растение, вроде какого-нибудь «южанина», который, если хочешь получить большой урожай, нужно каким-то особенным способом выращивать. И отсюда складывалось и другое представление: что выращивают лен какие-то особенно талантливые люди, прирожденные льноводы, может быть, даже с особым счастьем, и что другим он хуже дается в руки. И нам дали адрес: на Чудском берегу за селением Середка свернуть по лесной дороге в Боровик, а там и живет Иван Егорович Егоров, отличный льновод, что с бельгийцами соревновался. Вот это-то нам и нужно было.

Гдовская земля

И началась за Псковом лесная дорога на десятки километров. До Середки машина катилась по камню. И до самой Середки по крутым, низким, высоким и отлогим обочинам дороги, освобожденным от леса, навстречу нам полыхал своим малиновым пожаром иван-чай. Простите мне мою слабость к цветам, к этим лучшим творениям живой немой природы, красе весны и лета раздольной нашей Родины! Не будь цветов, сколько бы беднее мы были душою, сколько бы прекрасных черт характера, что передает нам наша милая и простая природа, не получили бы мы! А иван-чай, он особенный цвет. Лесники про него говорят, что даже в самые лютые морозы, когда в лесу все спит под одеялом снега, посылает он на вырубке от неумирающего и в морозы своего жаркого корня тепло сосенкам-младенцам и греет их нежные, тонкие побеги. Иван-чай где растет? На вырубках, на пожарищах. Глядишь, иной раз все заполонит, один бушует на погорелище. А пройдет четыре — пять лет — уже и нет его. Широко тут, на погорелище, разбежится во все стороны сосновая молодь, и опять начинает выситься лес. Высится! А вырос-то под иван-чаем!

Вот за что я люблю горделивые его стрелы-метелки в алых цветах; рос — глаз радовал; вырастил «племя младое», дело сделал — и уходи на новые места.

А после Середки иван-чай исчез, потому что лес пошел густой и разный. То жались кусты к дороге и лезла ольха с осинником к самому кузову. Видно было: топор по бору погулял, и пришла на место сосны бросовая, дровяная порода. То вдруг с холмов бор сосновый сбегал навстречу машине, и наша «Победа» с воем шла по песчаной колее и нагревалась, как самовар. Часто в таких местах на деревьях сверху вниз бежали высеченные топором стрелы, а под ними висели стаканчики из жести, полные душистой сосновой смолы.

Слева (сверху вниз):

Великие Луки. Улица Ленина.

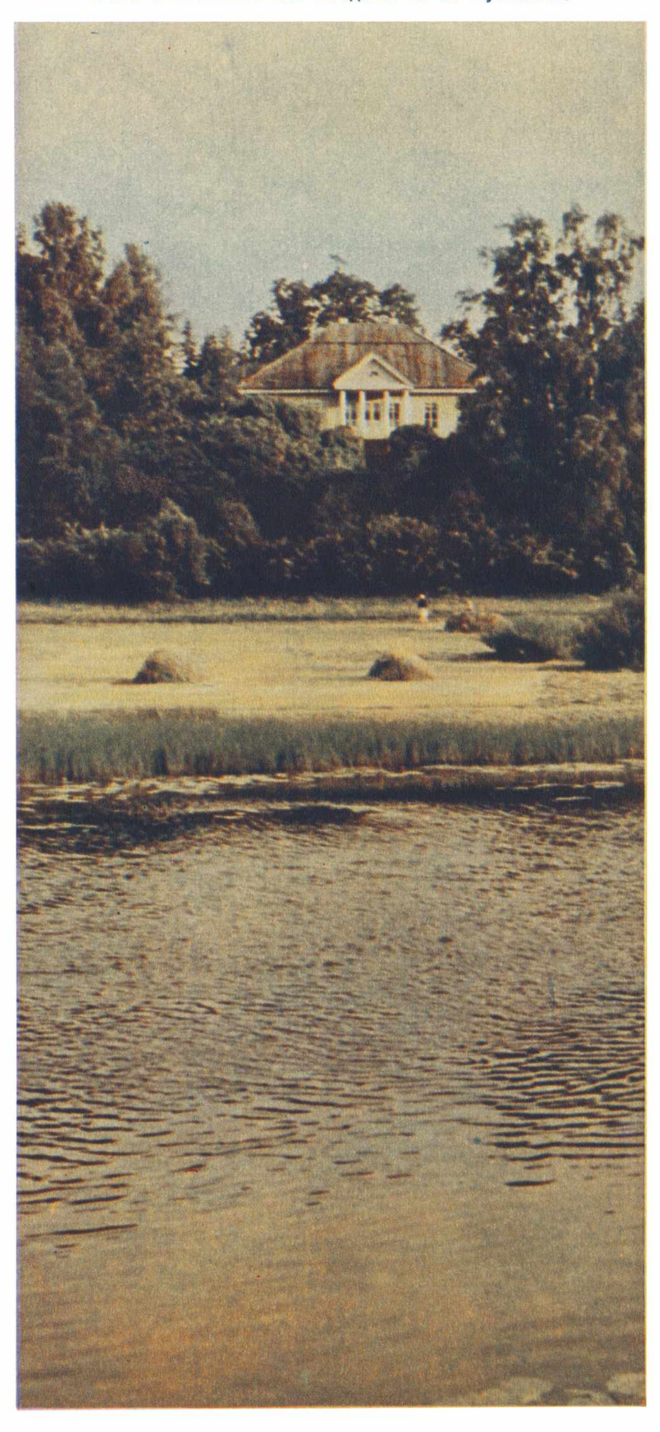
Одна из улиц молодого города Сланцы.

Гдовские рыбаки возвращаются с лова.

Село Михайловское. Усадьба А. С. Пушкина.

Слева (сверху вниз):

Великие Луки. Улица Ленина.

Одна из улиц молодого города Сланцы.

Гдовские рыбаки возвращаются с лова.

Село Михайловское. Усадьба А. С. Пушкина.

Только в полдень прямо из леса въехали мы в село Боровик. Стали искать дом льновода, а хозяин и сам вышел тут со двора с косой на плече и в кожаных поршнях: шел на болото сено косить. Узнав, кто и зачем мы, он покричал в дом самовар ставить, а сам повел нас на задворки, а потом через кусты куда-то к лесу.

— О льне говорить — на поле его видеть,— сказал он, ловко обходя кусты и кустики ивы, должно быть, выросшие на лугу.

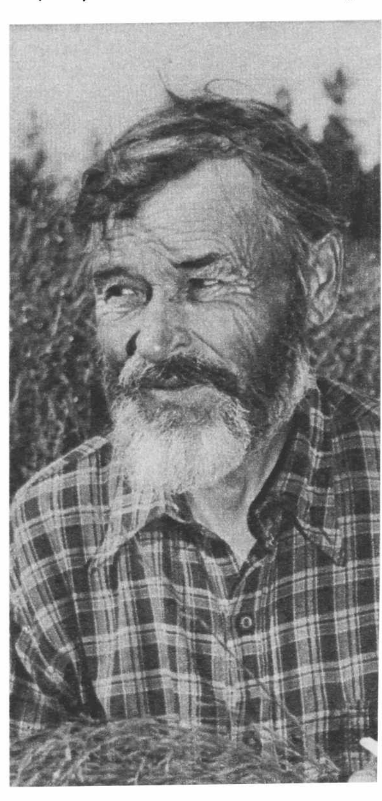
«Чем же он во льне берет? — думал я, едва успевая за ним.— Невысокий, простой, торопящийся, едва успел переобуться в городские ботинки, чтобы перед гостями «приликом быть», бежит в поле толковать о льне. Как же это он соревновался с бельгийскими льноводами, чем взял?» Я спросил его об этом.

— Соревнование? — начал он.— Да правду сказать, никакого особенного соревнования и не было. Соревнование — это когда договор есть. А тут я просто решил доказать, что и мы, на родине льна — у бельгийцев-то все равно наш древний псковский лен, нашего заводу,— взять не меньше можем. Был у нас тут тогда, до передела районных рубежей, один секретарь райкома. Вот, дай бог памяти, фамилии-то его сейчас уже не помню. Толковый, хороший человек был. Вот он мне и сказал раз: «А можешь ли ты, Иван Егорович, взять, как бельгийцы, десять центнеров льна с гектара и этим самым стать в районе в урожаях льна образцом?» «Попробую,— сказал я,— хоть до сих пор более пяти — шести центнеров мы не брали». Ну и вырастил я тогда десять центнеров с гектара. Вот так было.

Как ни ясно говорили нам в Пскове об этом «бездоговорном» соревновании Ивана Егоровича со всеми бельгийскими льноводами, ясно здесь было одно: Иван Егорович принял его в одиночку. А как добился результатов? И на этот наш вопрос он отвечал:

— Да ведь лен растет два раза в году: первый раз — когда на корню, а второй — когда в мочке. Вот этим я и взял. Конечно, поле я удобрял. Удобрил низовым, хорошо перегнившим торфом. Но чтобы лен два раза у меня вырос, я решил его пораньше посеять, чтобы в августе весь снять. В наших лесных местах ранний лен морозу не боится: леса его греют. Майские холода ему тоже на пользу. Крепчает он от этого холодного воспитания и в теплые июньские дни так уж теплу рад, что в росте за ним ни рожь, ни картошка угнаться не могут. А в августе его уже бери скорее. И вот тут-то он и растет второй раз. Главное, лен не только вырастить, а еще не потерять в волокне. Августовские теплые росы, нежаркое солнце — это тоже в расчет бери. Успел взять его с поля в августе—скорее дня на четыре — пять в мочило! Лубочек от него в воде отойдет малость за эти дни, а до конца довести — скорее на стлище! Передержка в воде губит лубочек. А под росами и вялым солнышком он, как ягодка в лесу, постепенно доходит. То млеет, то томится, то сушится. И эдак дней двадцать понежится, и тогда суши его окончательно да мни. Волоконце крепкое, не прелое, так во всю длину с былки и сходит. В сентябре взять с поля — уже не то. И томления ему такого нету, и вóды холодеют в мочилах, и доходить ему дольше надо. А отсюда и прель. И волокно не все отстает. Да не так уж и прочным оно сохраняется. Чем я взял? Не тем только, конечно, что вырастил лен, а тем, что волокно сохранил с каждой былки.

Завеса с таинств льноводства спадала. Как же все просто и реально получается: лен два раза в году растет! Отсюда и урожай. Мне вспомнились случавшиеся в дороге разговоры о низких урожаях льна на псковской земле. А вот не в том ли кроется вся сущность их, что здесь забыли эту простую мудрость льноводства? Помню, называли цифры: берут два с половиной, три, четыре центнера с гектара, и это, считают, хорошо. А сколько его пропадает оттого, что сеют поздно, не вымачивают и пускают в гниль, отходы! И, как бы угадывая мои мысли, Иван Егорович заговорил:

Льновод Иван Егорович Егоров.

— Сеют у нас льна всюду много, да до дела его не доводят. Во-первых, все стремятся сдавать соломкой, сеют по многу гектаров, чтобы добыть эту соломку. Значит, количеством гектаров берут. А надо бы учить брать с малых гектаров много и помнить, что лен два раза в году растет. У нас мочение льна во многих местах забыто. Расстелил на поле — и все. И везут стланец на льнозавод. Иногда в октябре везут его со стлищ. Отсюда и урожай в пол-урожая будет. А если бы в колхозы льнотрепальные машины, хорошую сушку ему обеспечить, думаю, многие бы колхозы уже озолотились и вдвое бы больше волокном льна сдавали. Ну вот и поле, глядите. Только вот куст несудом лезет на поле. Сыро что-то стало наше поле.

Этот разговор как-то взволновал и обострил внимание. Второй такой разговор, не менее волнующий, состоялся у нас среди гдовских животноводов.

О гдовских животноводах мы слышали впервые. Нам казалось до сих пор, что гдовцы занимаются главным образом рыбой. Берут ее на Чудском озере, этим и живут. Но на поверку вышло: животноводческих колхозов здесь сорок два, а рыбой занимаются только десять. Когда же гдовцы стали животноводами?

Об этом рассказал нам секретарь Гдовского райкома партии Иван Петрович Козлов.

— Считайте,— сказал он,— что животноводством в наших краях мы стали заниматься по-настоящему только за последние пять лет. Лен сеем примерно столько же. До этого льном мы не занимались. Только решение сентябрьского Пленума и последующие мероприятия партии направили наши колхозы по правильному пути: лен, молоко, хлеб, овощи. Тут уже все есть для правильного развития хозяйства. А это — главное. Да вот поезжайте-ка вы в село Поличнó, в колхоз имени Кирова, потолкуйте там с народом.

Мы ездили в Поличнó, были на фермах колхоза. Здесь уже двести дойных коров было на выпасе. Годовой надой молока — более трех тысяч литров от каждой.

В Поличнó мы опять смотрели луга. Луга здесь — главная кормовая база. Травосеяние не взяло еще верха. Луга же были топки, местами совсем не проезжи. В лугах много осоки, мало кормовых трав. И тут нам опять сказали: «Вот куст бьет наши луга несудом, скоро и пасти негде будет!»

Побывали мы и в других гдовских колхозах. Но разговоры были везде примерно такие же. Жалобы на куст, на подтопление пашни, на лес, что пришел на ниву. Все же было отрадно видеть поднявшимся и этот уголок нашей земли на побережье Чудского озера, где война также хлестала во все стороны великим разором. Села поднялись и здесь, и люди вершат в них большие дела.

Новый Новгород

Писать о Новгороде нелегко. Сколько песен о нем сложено, сколько всего рассказано! И никто все же не скажет, когда он встал, когда зародился. Одно несомненно: зачали его и поставили, как и Старую Руссу, приильменские коренники — кривичи. Поставили его в низменном месте, но на двух холмах — как раз там, где холмы эти разделяет широкий Волхов. С тех пор, как поставили новгородцы на одном холме — а было это без малого тысячу лет назад—свой лучший храм Софию — золотую маковку,— с тех пор стала называться эта сторона Софийской, а другая за великий торг на ней стала называться Торговой стороною.

Но нельзя говорить о Новгороде, не помянув о Приильменье, о Старой Руссе. Новый город стоит на одном конце Ильменя, на северном, Старая Русса — на другом его конце, на южном. И старшинство они в молчаливом споре своем до сих пор друг у друга оспаривают.

И когда глядишь на карту Приильменья, особенно южного, где Старая Русса стоит, бросается в глаза такое огромное количество названий, напоминающих про Русь, что ни в какой другой земле нашей такого и не откроешь. Вот сама Старая Русса, вот Новая Русса, вот селение Русье, вот Росино, еще Росино, Руса-Марёво, река Порусья, река Руска, вот еще Новая Руса и дальше реки Снежà, Холынья́, Ловàть, озеро Русское, река Робья, еще реки Заробская Робья, Старовская Робья, Сутокская Робья и так без конца. Истинно край старорусский.

В этот-то край древней русской культуры мы и едем сейчас. С ходу прошли города Сланцы, Кингисепп, свернули где-то в лесах, не доезжая Гатчины, по великолепной бетонированной дороге на Лугу, и вот уже впереди на сырой и широкой равнине золотой маковкой Софии играет Новгород. Как он хорош на этой нашей северной земле, древний город!

Древний? Я, пожалуй, описался! Надо бы написать: и древний и совсем новый. Не только документами, а и памятью людской засвидетельствовано, что вслед за уходом отсюда оккупантов на том месте, где был город, осталось «в живе» всего четыре десятка домов и остовы разрушенных и полуразрушенных исторических памятников. Даже золотая маковка Софии была ободрана и золоченые листы кровли ее расхищены. Даже великолепный памятник «Тысячелетие России» — один из лучших групповых памятников — был разобран гитлеровцами и подготовлен к вывозу. Щебень, остовы домов, развалины, среди которых едва угадывались прежние улицы,—таким оставили город советским людям орды чингисханов с Запада.

Новгород открылся нам с равнины оживший и красивый. Розовые, белые, светло-кремовые дома приближались и, как бы встречая гостей, выходили за городскую черту. И когда въехали в Новгород, поняли: он опять разбежался, действительно новый город, во все свои пять древних «пятин» — пять концов — уймою новых строений, и давно уже прорезал концами улиц своих старый городской вал, и рвется дальше за него, ширясь и закрепляясь на пустырях. Не забыли новгородцы и древних памятников старины своей; лучшие из них восстановлены и возвращены в богатую скарбницу русской архитектуры. Восстановлен и, мало того, воссоздается в древнем виде — и долго будут еще вестись эти работы — славный Новгородский кремль. Во всей прежней красоте своей поднялся в кремле и высится памятник «Тысячелетие России».

В тот же день, как приехали, разговаривали мы с заместителем председателя облисполкома Петром Никитичем Пастушенко. Слушали мы его и удивлялись тому гигантскому народному напору, той несокрушимой жажде строить и делать жизнь лучше и лучше, с которой новгородцы взялись сразу после войны восстанавливать разрушенное хозяйство и с которой пестуют его и теперь.

— Ведь восстанавливали не

только город, восстанавливали десятки городов и сотни колхозов области,— говорил Петр Никитич.— Возведены заново десятки тысяч домов, тысячи хозяйственных построек, школ, больниц, библиотек, клубов, мастерских и разных других служб. Восстановлена — хоть и небольшая, но все же восстановлена— вся промышленность в области.

И тут зашел у нас опять разговор о восстановлении города. Заметим кстати, что Новгороду, как и Пскову, угрожала та же самая архитектурная тенденция сделать его городом — памятником старины. Проектировались двухэтажные дома с узкими окнами-бойницами, целые улицы их должны были выйти на площади к древним памятникам архитектуры. Налет этого архаического и неумного течения был отбит общественностью города, как и в Пскове, и новый Новгород возрос как город социалистического облика.

— Покуда город восстанавливался, новгородцы не особенно думали об этом,— говорил Петр Никитич.— Шел, пожалуй, простой процесс: город нужно было поднять из руин. А теперь пришло время думать о развитии города по единому плану. Но у Новгорода, как у областного центра большой земли, есть и другие заботы. Нас очень заботят наши земли. И что ни говори, а покуда мы являемся главным образом сельскохозяйственной областью, думать о них нужно. Еще больше о них нужно будет думать тогда, когда мы станем областью промышленной. Сейчас рост колхозного производства местами у нас начинает упираться в земельные площади. Я поясню: годы войны и даже восстановительный период привели на наши поля, луга и пастбища лес и кустарник. И то и другое создало условия для заболачивания, особенно луговых и пастбищных угодий. Для нас это уже целая проблема. Более полумиллиона гектаров земельных колхозных угодий у нас снято с обложения по 1960 год. Это льгота. Польготили нам и тогда, когда около ста тысяч гектаров пашни и луговых угодий списали под лес. Но ведь полмиллиона гектаров, мыслится, должны через два года снова войти в строй. Однако это только надежда. Быстрый возврат этих земель под хлеб, лен, сено, выпасы у нас почти ничем не обеспечен. Покуда колхозы возвращают одну долю заброшенной земли в строй рождающих земель, в это же время другая земля, менее заболоченная и заросшая лесом, год от года все больше зарастает кустом, ольхой, березовым оглобельником. «В чем же дело?»—спросите вы. В том, что в силу сложившихся без нашей воли причин мы теперь без особой помощи государства справиться с этим делом скоро не сможем. Непрошеные гости наших полей и лугов — лес и вода — приходят к нам скорее, нежели мы успеваем вступить с ними в борьбу. Для этого у нас ничтожно мало техники и средств. Лугомелиоративные станции — и много их — нужны нам так же, как заводы, фабрики и предприятия. Этими заботами мы и живем.

Сразу вспомнилось посещение колхоза в Велье, разговор с Иваном Егоровичем в Боровике и беседы с гдовскими животноводами. Цифры, приведенные Петром Никитичем, убеждали, что разговоры о вредном кусте — не напрасные разговоры и что тут надо делать что-то серьезно и решительно.

* * *

Быстро шло время, отпущенное на путешествие. Конечно, смотрели мы и древние храмы новгородские, видели и знаменитые фрески Феофана Грека, возле которых всегда много художников и туристов, ходили на Перынь, где некогда стояло славянское языческое капище. Долгими днями ездили по Приильменью. Восстановлена Старая Русса с ее замечательнейшим грязевым и бальнеологическим курортом. В Крестцах мы любовались знаменитой старинной, славной и ныне вышивкой. В Боровичах смотрели работу боровичских мастеров керамики. Всюду была голубая озерная Русь, и особенно хорош был городок Валдай с полным, как чаша, просторным озером. Было много на пути и других городов и сел.

А сейчас быстрый катер «Ильменец» мчит нас из-под стен Новгорода вниз по Волхову на Ладогу. Впереди город Ленина и боевая Балтика.

НАД ПОБЕЖДЕННОЙ РЕКОЮ

Иван ХАРАБАРОВ

Мечта строителя

Чтобы не стыл бетон,
помещение
До невозможности жарко нагрето.
Тщательно паклей забитые щели
Не пропускают дневного света.

Я целый день от жары сгораю
И весь до нитки промок от пота,
Но лопата звенит, ударяясь о гравий,
В теплый бетон
врезается плотно!

Но будет день:
по всему котловану
Запахнет пьяняще
землею талой.
Я кончу работу,
у входа стану,
К стене прислонившись,
еще усталый.

А рядом со мною —
бетонные, серые —
Зданья растущего высятся своды.
Сюда,
чтоб зажечь огни свои первые,
Хлынут
тугие холодные воды!

Среди других
неприметный с виду,
Вынесший много,
не спавший ночи,
Я с полным правом
навстречу им выйду
Вместе с друзьями
в спецовке рабочей.

Простой паренек
невысокого роста,
Я встану
над побежденной рекою,
Речей говорить не буду,
а просто
Студеной воды зачерпну рукою.

Поселок Падун

Что ж вы невеселы, сосны,
Что приключилось с вами!
Не вы ли вечером росным
Ждали меня и звали!

Что же вы так неспокойны!
Кем вы
так тяжко поранены!
Подрублены ваши корни
Острыми топорами.

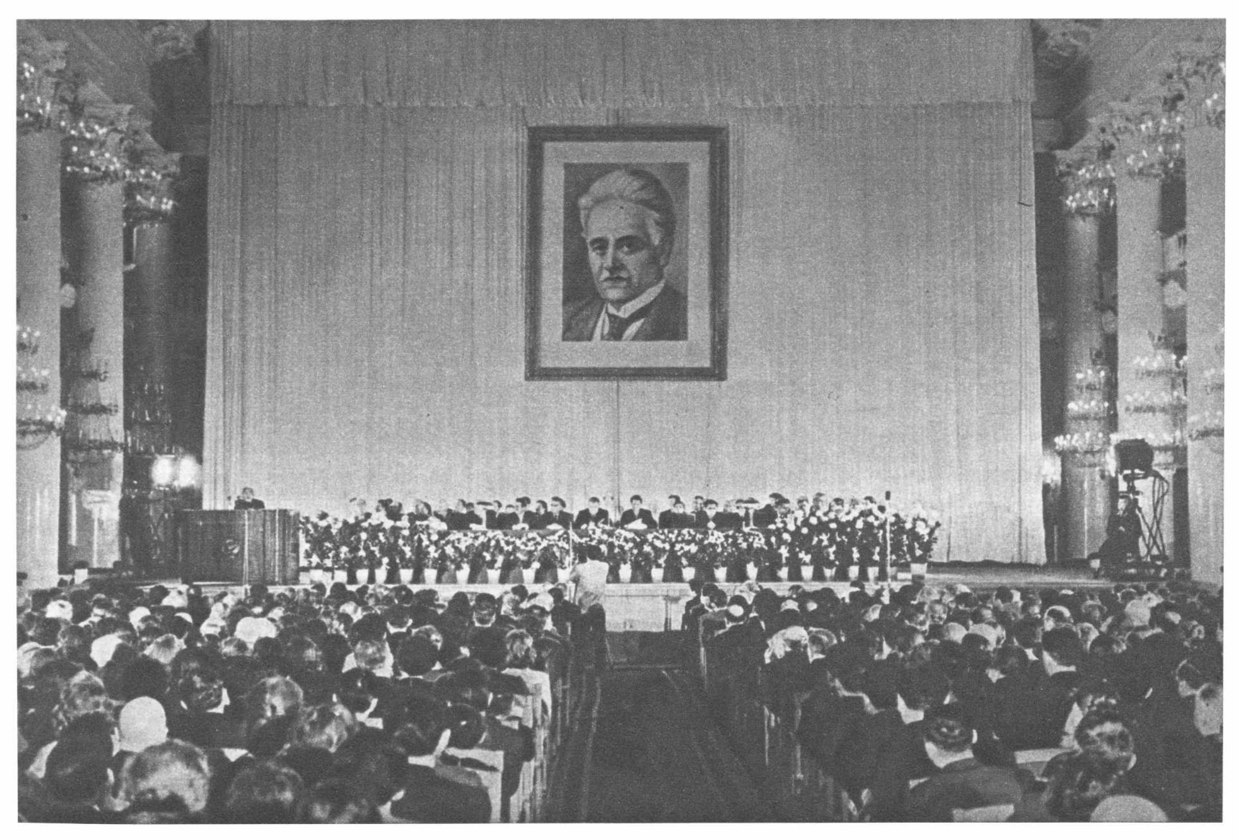
Очень мне жаль вас, сосны,
Но полон я дум веселых:
Здесь встанет из хвои и солнца
Падун — рабочий поселок.

Пусть он здесь будет создан,
Из света и воздуха соткан,
А вам еще хватит, сосны,
Места по этим сопкам.

Пусть его зелень любит,
Пусть умывает ливень,
Пусть в нем живется людям
Радостно и счастливо!

Художница артели «Крестецкая строчка» Н. Жигунова.

14 ноября в Колонном зале Дома союзов состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Александра Ширванзаде.

Фото Е. Умнова.

В ГОРНИЛЕ ЖИЗНИ

Наири ЗАРЬЯН

В 1934 году в Москве, в Колонном зале Дома союзов, на трибуну Первого Всесоюзного съезда советских писателей поднялся великолепный, с белоснежной шевелюрой старик, встреченный громом продолжительных аплодисментов. Это был знаменитый армянский прозаик и драматург Александр Минасович Мовсесян-Ширванзаде. Его приветствовали все советские литераторы. С теплой улыбкой ему аплодировал Алексей Максимович Горький.

— Я человек старого поколения,— говорил Ширванзаде с трибуны съезда,— я видел три режима, трех царей... мне семьдесят шесть лет, но, уверяю вас, я никогда не чувствовал себя таким свободным, таким счастливым, как в последние восемь лет, которые я провел в Советской стране. Меня часто спрашивают: «Что вы делаете, чем вы питаетесь, что не стареете?» А не старею я потому, что живу при Советской власти, и я еще буду жить, потому что мне хочется последние мои силы — даже не последние, а предпоследние — отдать Советской стране...

Ширванзаде (1858—1935)— один из классиков армянской литературы последнего столетия, современник крупнейших поэтов, прозаиков, драматургов, в творчестве которых отражен самый интенсивный период дооктябрьского развития армянского общества: втягивание армянского народа в трагический водоворот капиталистического общества и вместе с этим — стремление армян к национальному освобождению. Ширванзаде занимает выдающееся место в армянской литературе наряду с такими писателями, как Х. Абовян, М. Налбандян, П. Дурян, А. Паронян, Р. Патканян, Раффи, Г. Зограб, О. Туманян, А. Исаакян, В. Терян. В этой горной цепи творчество Ширванзаде — высшая точка реалистической армянской прозы. У нас его называют армянским Бальзаком. Это сравнение имеет свой резон. Творчество Ширванзаде является художественной летописью возникновения, развития и разложения армянской и всей закавказской буржуазии.

С юношеских лет Ширванзаде был вынужден покинуть родной провинциальный городок Шемаху и зарабатывать на жизнь в крупных городах Закавказья — Баку и Тбилиси. Работая в качестве счетовода, бухгалтера, приказчика, библиотекаря, будущий писатель зорко наблюдал жизнь и жадно читал все, что попадало под руку. В этом отношении жизнь молодого Ширванзаде напоминает юношеские годы М. Горького; и не случайно, что Ширванзаде первый из закавказских писателей заметил восход новой звезды на горизонте великой русской литературы и приветствовал первые шаги Горького в литературе.

Творческую деятельность Александр Ширванзаде начал с журналистики. В первых корреспонденциях он описывал жизнь на нефтепромыслах Баку, выступал в защиту интересов трудящихся. Его статья «О положении рабочих», напечатанная в 1881 году в армянской газете «Мшак» («Трудящийся»), получила много откликов в армянской и русской печати. Презрение к сытым, хищным, аморальным буржуа, к лицемерной буржуазной интеллигенции и глубокая симпатия к людям труда сплетаются в многогранном творчестве Ширванзаде.

С болью в сердце он описывает в романе «Намус», как старик Бархудар, раздираемый патриархальными предрассудками, губит и себя и юную дочь, в порыве любви восставшую против деспотических обычаев. В повести «Артист», одном из самых ярких произведений армянской литературы, Ширванзаде показывает, как в недрах равнодушного и безнравственного буржуазного общества бесследно исчезают подлинные таланты, не находя возможности для развития. В произведениях писателя изображены армяне и русские, грузины и азербайджанцы. Еще в XVIII столетии великий армянский поэт Саят-Нова свои бессмертные стихи написал на трех языках: армянском, грузинском и азербайджанском — и стал поэтом всего Закавказья. Ширванзаде пишет только на армянском языке, но охватывает жизнь всех народов, проживающих между Черным и Каспийским морями. Широкий интернациональный охват в произведениях писателя обусловлен не только могучим талантом, но и всем жизненным опытом и воспитанием писателя. Ширванзаде с гордостью говорил: «Интернационализм я унаследовал от рабочих-нефтяников Баку».

Сгусток всего творчества Ширванзаде — роман «Хаос», еще не превзойденный по лаконизму и художественной выразительности и самое яркое произведение армянской прозы.

...Умирает богатый миллионер Маркос-ага, и борьба сыновей вокруг отцовского наследства раскрывает всю гнилость буржуазных взаимоотношений, буржуазной семьи, буржуазной морали. В романе нарисованы светлые образы рабочих и простых людей, в которых Ширванзаде видит подлинную человечность и моральную чистоту. Смысл романа, да и всего творчества Ширванзаде, выражен в следующих словах: «Создался хаос, где любовь к золоту стерла и уничтожила все, что отделяет свет от мглы, нравственное от безнравственного... Там увидел я вооруженных волчьим аппетитом, клыками тигра друзей, идущих против друзей, братьев против братьев, сыновей против отцов. Наблюдателю со стороны казалось, что он попал в какой-то зверинец, где все его обитатели взбесились от безделья, и готовы перегрызть друг другу горло...»

Во время первой мировой войны Ширванзаде, опасаясь турецкого нападения на Закавказье, уехал за границу и в 1926 году вернулся, как он говорил, «в возрожденную ленинским гением Армению». До этого величайший классик армянской литературы Ованес Туманян преклонил седую голову перед знаменем, на котором нарисованы не орлы и львы, а символ мирного труда — серп и молот. Возвращение Исаакяна и Ширванзаде в родную страну завершило переход лучших представителей армянской культуры на сторону Великой Октябрьской революции.

С первого же дня после возвращения на родину Ширванзаде оказался верным своему обещанию «последние силы отдать Советской стране». Он участвовал в культурной жизни Советской Армении с поразительной энергией, с молодым задором. Он ездил по городам и селам Закавказья, выступал на литературных дискуссиях, на собраниях и съездах, читал и писал, наслаждался полнотой творческой жизни. Особенно любил он быть среди молодых писателей.

— Не люблю стариков,— говорил он, улыбаясь.— Они мне напоминают мою старость. Вечно жалуются: «ночью плохо спал», «голова болит», «левая часть груди болит», «правая нога болит». Ну, какой толк от таких разговоров! Не лучше ли спрятать свои невзгоды и ходить с молодыми нога в ногу?

Это были не только слова. Девять лет жил Ширванзаде в Советской Армении и за это время создал комедию «Кум Моргана» и работал над мемуарной повестью «В горниле жизни». В комедии писатель разоблачил моральное разложение армянской и русской эмиграции за границей; в мемуарной повести с юмором описал многие события и людей, с которыми он столкнулся в своей долгой жизни.

Ширванзаде был певцом Закавказья не только потому, что он жил и творил в Баку и Тбилиси, но и потому, что он лучше других выразил то, что связывает закавказские народы. Недаром он получил звание народного писателя Армении и Азербайджана и заслуженного деятеля культуры народов Закавказья. Его одинаково любят Армения, Грузия и Азербайджан. Везде он чувствовал себя дома. Восторженно сияли глаза людей, когда по улице медлительной, хозяйской походкой проходил старик с белоснежной головой. И столетие со дня рождения Ширванзаде отмечают все советские люди.

ОВОЩИ С БЕРЕГОВ ОКИ

Каким образом работники совхоза сумели добиться низкой себестоимости овощей? Чтобы понять это, не мешает побывать и на занятиях кружка конкретной экономики, которым руководит совхозный бухгалтер Ф. К. Титов. Здесь учатся считать, как дешевле вырастить морковь или редиску, усваивают соотношение между затратой труда и стоимостью килограмма картошки.

←

...Берег Оки сплошь усеян тугими белыми кочанами капусты. Люди на пристани ждут, когда подойдет очередная баржа. Они нагрузят ее до краев и проводят в недальний путь—на Москву.

Бригадир Мария Орловская расскажет перед микрофоном радиослушателям Серпуховского района о своей бригаде. У передовых людей совхоза многому могут поучиться все овощеводы. Недаром здесь создается школа передового опыта выращивания овощей и картофеля.

В Москве, на Добрынинской площади, есть магазин № 35. В нем продаются овощи, выращенные совхозом «Большевик». Хорошие продукты попадают на стол к москвичам с берегов Оки!

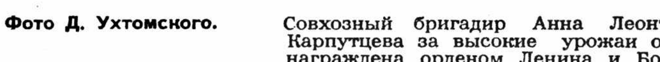

Фото Д. Ухтомского.

Совхозный бригадир Анна Леонтьевна Карпутцева за высокие урожаи овощей награждена орденом Ленина и Большой Золотой медалью ВСХВ. Бригада Анны Леонтьевны три года подряд участвует на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке.

Тезисы доклада товарища Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС раскрывают новые перспективы развития нашего социалистического сельского хозяйства. В обширной программе, намеченной партией, есть такой пункт: «В пригородных зонах крупных городов и промышленных центров сосредоточить производство картофеля и овощей в специализированных совхозах, используя для этого в первую очередь пойменные и орошаемые земли и осушенные торфяники».

Совхоз «Большевик», чьи земли расположены в пойме Оки, неподалеку от Серпухова,— одно из тех хозяйств, которые снабжают Москву овощами.

Маленький тезка Котовского

Проводы семьи Лиловых в Котовске.
Фото И. Кригеля.

Райна Лилова с сыном Гришей.

Кирилл и Райна Лиловы возвращались из Южного Казахстана домой, на родину, в болгарский город Лом.

...Скорый поезд приближался к станции Котовск, когда в купе вагона Москва — София спешно был вызван врач. У Райны начались схватки. Вот и Котовск. Стоянка—минут пятнадцать.

— Дальше вам ехать нельзя. Надо немедленно ложиться в больницу!

Супруги растерялись. Здесь нет ни родных, ни знакомых, а ведь вынужденная остановка в лучшем случае продлится не менее недели.

— Не волнуйтесь, все сложится хорошо,— успокаивал Лиловых прибежавший дежурный по станции Дмитрий Витвицкий. — Вокруг вас друзья.

Райну тотчас поместили в родильное отделение Котовской железнодорожной больницы. Кирилл поселился в комнате отдыха при вокзале.

Ночью Райна родила сына. В Котовске появился маленький гражданин Болгарской республики. Лиловых все поздравляли. Кирилла встречали на улицах незнакомые люди и пожимали ему руку. Букеты цветов, гостинцы, свежие продукты приносили в больницу жители Котовска.

Как назвать сына? Кирилл и Райна назвали его Григорием — в честь Григория Ивановича Котовского, чье имя носит город.

Когда семья Лиловых уезжала в Софию, провожать их пришло много новых знакомых.

«Как живет юный тезка Котовского?»—с таким вопросом обратились мы недавно к молодой матери Райне Лиловой. Вот что она ответила:

«Всей нашей семье было приятно получить письмо из Москвы. Вы спрашиваете, как нас встретили дома. Очень хорошо. Маленькому Грише были рады все родные. Он растет, крепнет день ото дня.

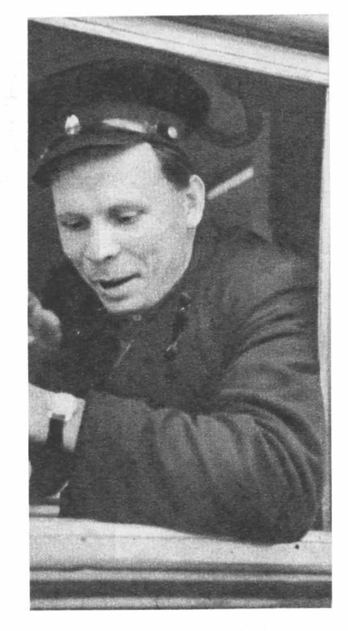
Никогда не забуду то внимание и те заботы, которыми меня окружили советские товарищи в Котовске во время родов и в первые дни жизни сына.

С благодарностью я послала им нашу с сыном фотографию, точно такую же, какую посылаю сейчас Вам.

С дружеским приветом
Лиловы Райна
и маленький Гриша.

Наш адрес: Болгария, город Лом, улица Менков, дом № 21».

ВСТРЕЧА В ТРОЛЛЕЙБУСЕ

Виктор Алексеевич Журавский выезжает из парка.

Пассажир в троллейбусе вел себя странно.

— Товарищ,— сказала кондуктор,— я вам уже пятый раз повторяю: троллейбус идет в парк.

Тогда пассажир открыл дверь кабины водителя, спросил:

— Простите, ваша фамилия Журавский?

— На таблице ведь написано,— ответил водитель, не оборачиваясь.

— Виктор, неужели не вспомнишь: война, Кутаиси, 83-й запасной полк, школа младших командиров?

Журавский обернулся, вскрикнул:

— Володька, Бессонов, неужели ты?!

Встретились они в маленьком скверике. Сели на скамейку, улыбнулись друг другу. Кажется, есть что вспомнить, и, кажется, разлука была не маленькая — есть что рассказать, а разговор долго не клеился: как ты, а как ты?

— У меня все просто,— начал Бессонов.— После военной школы—фронт, ранение, госпиталь, снова фронт. Побывал в Берлине. Потом, после войны, институт окончил. Сейчас работаю инженером в Свердловске. Жена, дочка... Ну, а теперь ты рассказывай, куда попал после школы...

Журавский нахмурился.

— Это долго рассказывать и трудно,— наконец проговорил он. — Это случилось под городом Изюмом. По изрытому снарядами полю несколько наших бойцов выбирались из окружения. И вдруг совсем неожиданно появились вражеские танки. Неравный бой был коротким. Плен... А потом — товарные составы, забитые наглухо, и через маленькое окошко с решеткой бойцы видели, как мелькали мимо чужие города и села. Команда: «Выходи!» Над головой голубое итальянское небо, а перед глазами дула фашистских автоматов.

Из лагеря военнопленных мне помог бежать рабочий-коммунист Уго. Я попал в партизанский отряд народных мстителей, где командиром был Рецелли.

Днем я ковал острые шипы, чтобы ночью фашистские автомобили срывались с извилистой горной дороги...

После войны меня приютила гостеприимная семья Сильвестра. Но думы у меня были уже одни: домой, домой! Трудно рассказать о тех минутах, когда я вернулся на родину. Теперь живу в Москве, получил в Рижском районе комнату в новом доме. Жена работает на кондитерской фабрике, дочка уже во втором классе...

Оба друга с минуту молчали.

— Да, вот о чем я хотел тебе еще рассказать,— порывисто проговорил Журавский.— В прошлом году, во время фестиваля, интересная у меня встреча произошла. Въезжаю в большой двор троллейбусного парка, выхожу из троллейбуса, и вдруг много людей окружают меня, обращаются со знакомыми приветствиями на итальянском языке. А люди все незнакомые, но они узнали мой адрес, потому что я жил у них в стране, сражался против фашистов, и решили навестить меня. И сейчас я переписываюсь с итальянскими друзьями.

Химик-технолог
М. КРАСОВИЦКИЙ

Билет, пробитый осколком

Вглядитесь внимательно в этот снимок: комсомольский билет пробит осколком авиационного снаряда, залит кровью. Сейчас он хранится в Музее обороны Царицына—Сталинграда. Номер этого билета — 8393711, а принадлежал он в свое время одному из защитников города-героя, летчику-истребителю Льву Сергееву.

23 августа 1942 года патруль краснозвездных «ястребков» шел над Сталинградом по заданному маршруту. Редкие облака плыли в летнем знойном небе, внизу сверкала красавица Волга, виднелись корпуса заводских цехов, кварталы большого города.

Это был один из первых боевых вылетов молодого воина-комсомольца Сергеева.

В наушниках шлемофона прозвучала отрывистая команда ведущего. Сергеев развернул самолет и увидел строй фашистских бомбардировщиков, охраняемых «мессершмиттами».

Завязался встречный бой. Смело атаковав немецкого истребителя, он прошил его меткой очередью и сбил. Но когда молодой летчик направил свою машину в лобовую атаку на второго гитлеровца, то почувствовал сильный удар в грудь. Глаза заволокло кровавой пеленой.

...С невероятным трудом почти у самой земли удалось раненому летчику выровнять самолет, дотянуть до своего аэродрома. Здесь, на земле, разрезав на юноше гимнастерку, врач вытащил из кармана пробитый осколком, обагренный кровью комсомольский билет Льва Сергеева. Всего несколько миллиметров не достала вражеская сталь до сердца летчика.

Долго пришлось лечиться Сергееву в госпитале, но молодость и хорошее здоровье взяли свое. Воин-комсомолец, вернувшись в строй, снова воевал, совершив в общей сложности 120 боевых вылетов.

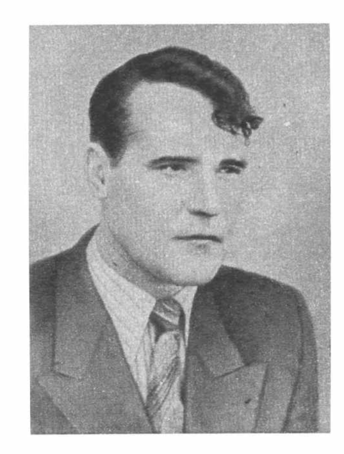
...Отгремели залпы на полях Великой Отечественной войны; для воинов-авиаторов настала пора боевой учебы, освоения новой техники. И теперь, как и прежде в боях, военный летчик первого класса коммунист Сергеев среди передовых. Одним из первых в части он освоил полеты на реактивных машинах.

Замечательный авиатор, мастер своего дела, подполковник Л. М. Сергеев умело воспитывает летную молодежь, пользуется любовью и авторитетом среди подчиненных.

Анатолий БОЙКО,
сотрудник военной газеты.

Директор совхоза — аспирант

Михаил Захарович Лымарь.

Михаил Захарович Лымарь—работник сельского хозяйства. Был он и трактористом, и комбайнером, и помощником бригадира, и директором МТС. А когда в Советском районе Северо-Казахстанской области был создан Смирновский зерносовхоз, Лымаря назначили его директором.

Раннее утро. Поселок еще спит крепким сном. Только в доме Михаила Захаровича горит огонь. Местные жители не удивляются этому, зная, что директор учится в заочном сельскохозяйственном институте в Омске. Весь день он на работе, а по вечерам, иногда и ночью занимается. Так было в течение пяти лет.

Но вот наконец Лымарь сдал последние экзамены и получил диплом. И не просто диплом, а с отличием!

После окончания института, когда Лымарь был в Омске, его вызвал к себе заведующий кафедрой почвоведения лауреат Ленинской премии Константин Павлович Горшенин.

— Хочу я, Михаил Захарович, продолжить наш разговор, начатый однажды, когда вы еще были студентом. Не отпала ли у вас охота учиться и дальше?— спросил профессор.

— Нет, не отпала,— без промедления ответил Михаил Захарович.

— Тогда поздравляю с аспирантурой на моей кафедре!— заключил профессор.

— С радостью буду учиться заочно,— сказал Лымарь. — Мне и как хозяйственнику наука поможет...

Подполковник А. ГУСЕВ

Советские делегаты среди американских студентов.

МЫ У НИХ

А. ВАЛЮЖЕНИЧ

1958 год положил начало развитию новых взаимоотношений между молодежными и студенческими организациями СССР и США. До этого года в Советский Союз приезжало немало американцев. В США, однако, представителям советской молодежи и студентов по вине госдепартамента США путь был закрыт. Поездка делегации советской молодежи в США стала возможной только благодаря соглашению о культурном сотрудничестве между СССР и США, подписанному в конце 1957 года.

В публикуемых заметках рассказывается о поездке по США группы советских редакторов молодежной и студенческой печати и о сорокадневном путешествии по Советскому Союзу группы американской молодежи и студентов.

...У них

— Сейчас мы едем на бойни, посещение которых, по вашей просьбе, мне удалось устроить не без трудностей...— сказал Уолтер Клеменс.

Мы были настолько благодарны нашему гиду, что даже не спросили, с какими именно трудностями он столкнулся. Нас не насытил беглый осмотр бостонского металлообрабатывающего завода «Чойсер энд Шлюгер» и чикагского сталелитейного «Саут Уорк», и было бы очень досадно не побывать на знаменитых чикагских бойнях, о которых мы так много слышали и читали.

— Вы находитесь на чикагских бойнях Армура! — встречает нас Тэд Спир, высокий, сухощавый, средних лет человек.— Я здесь представляю администрацию и осуществляю связь между производством и обществом.

Тэд Спир предлагает немедленно начать осмотр боен.

— Прошу вас оставить ваши фотоаппараты в проходной,— добавляет гостеприимный хозяин.— О'кэй?

Мы сдаем фотоаппараты двум местным профсоюзным работникам, которые, в свою очередь, вручают нам белые халаты, и следуем за быстрым Тэдом Спиром.

— На бойнях Армура каждый час кладут под нож 660 свиней и 220 коров. К нам поступает живой товар, а от нас выходят колбаса, мясные полуфабрикаты, консервы.

Мы едва поспеваем за Тэдом Спиром. Он не задерживается в цехах и говорит на ходу, быстро, без запинок. В памяти сохранился лишь цех по разделке филейных частей свиных туш. Здесь работают женщины. Молчаливые, без улыбок, напряженные лица. Руки автоматически поднимаются, опускаются, снова поднимаются, с усилием отрубая кусок мяса от неумолимо движущихся по ленте конвейера туш. Кровь стекает на грязный, выщербленный цементный пол. Монотонное жужжание конвейера, сиплые выдохи работниц-мясников, застоявшийся смрад плохо вентилируемого помещения...

— Прошу не задерживаться и не беспокоить вопросами работниц. Им не разрешается разговаривать во время работы. Все вопросы в моем оффисе,— торопит нас наш проводник.

Осмотр боен Армура прошел с такой быстротой, что записными книжками мы смогли воспользоваться лишь в конторе. Здесь, в присутствии двух профсоюзных работников, которые вернули нам фотоаппараты и получили обратно белые халаты, продолжался наш разговор.

— Сколько рабочих занято на бойнях?

— Прошлой зимой их было 4 тысячи, сейчас — 2 800. Мужчины и женщины работают по 8—9 часов в день.

— Где же остальные 1 200 человек?

Тэд Спир вопрошающе смотрит на профсоюзных работников. Вопрос этот, видимо, вне его компетенции: он представляет только администрацию.

— Ищут другую работу... Сейчас очень трудное время...— както нехотя выдавливает из себя профсоюзный работник, парень лет тридцати двух. Он опускает глаза и нервно мнет пальцами сигарету.

— На что же они живут?

— На пособия по безработице...

— Все?

— Нет, конечно. Только те, которые до увольнения смогли здесь заработать 600 долларов и представили справки, что они искали и не смогли найти себе работу в других местах.

Парень закуривает новую сигарету и глубоко затягивается, как бы давая понять, что вопрос исчерпан.

— Какова система отпусков для рабочих?

— Проработал год — одна неделя отпуска, три года — две недели, пятнадцать лет — три недели, двадцать пять — четыре недели.

Тэд Спир выпаливает эти цифры и сразу же спрашивает:

— Какие еще вопросы?

— Есть ли разница в оплате труда?

— Есть. Но мы стараемся увеличить зарплату как мужчинам, так и женщинам. Что еще?

— Какова величина зарплаты?

— Разная. На бойнях Армура 24 категории.

Разговор явно не клеится. Мы, кажется, бередим больные места «бизнеса, основанного на свободном предпринимательстве».

— Такое положение не только у Армура. В других компаниях так же...— говорит вдруг другой, ранее молчавший пожилой профсоюзный работник.

Укоризненный взгляд Спира заставляет его замолкнуть на половине фразы. Тэд Спир начинает нетерпеливо поглядывать на часы... На ознакомление с «крупнейшим в мире мясным бизнесом» нам выделено ровно 49 минут...

* * *

— Мы в Сан-Франциско! — радовался жизнерадостный Уолтер Клеменс.— Это самый красивый город в США! Жизнь здесь бьет ключом, как нигде на свете!

Четыре дня пребывания в живописнейшем Сан-Франциско действительно были для нас настоящим водоворотом. Мы пытались сбить этот бешеный темп, который мешал обстоятельному знакомству с жизнью Америки, но это не часто удавалось.

— Сделайте так, чтобы они побольше смотрели на красивых женщин и легковые автомобили,— советовал Майк Гутовски, аспирант экономического факультета университета Беркли, нашим сопровождающим.

— Я не рекомендую вам принимать приглашения студентов, которых я не знаю. В противном случае я ни за что не отвечаю,— заявлял Уолтер Клеменс.

Лишь в последний день пребывания в Сан-Франциско мы получили наконец возможность свободно располагать своим временем и приняли приглашение группы студентов посетить Стэнфордский университет без сопровождающих.

В Стэнфордском университете плата за обучение так же высока, как и в других частных университетах США,— более 1 000 долларов в год. Гарантии получить работу после окончания университета нет.

Обо всем этом мне рассказал студент факультета социологии Мартин Хорвитц.

— Скажите, какой процент студентов составляют дети американских рабочих и крестьян в Стэнфордском университете? — спросили мы двух профессоров.

Оба развели руками.

— Мы такого подсчета не ведем,— ответил один из них.

А будущий социолог Мартин Хорвитц подошел ко мне и сказал:

— Какой же рабочий или крестьянин может послать своего сына в частный университет?

...Моими попутчиками из Окленда в Сан-Франциско оказались пожилой, подвижной и разговорчивый профессор психологии и двое студентов-выпускников — Дэвид Эггер и Эллен Мэйтаг. Мы говорили о Джеке Лондоне, затем перешли к Эрнесту Хемингуэю и воспетому им «потерянному поколению».

— У нас сейчас появилось но-

вое поколение, которое называют «побитым»,— сказал вдруг Дэвид Эггер.— Это молодые люди, многие из которых—студенты, слоняющиеся без дела. Они ни во что не верят. Они разуверились в силе разума.

— А вы-то, «молчаливые», чем лучше? — вскинулся вдруг профессор психологии, обращаясь к студентам.— Я в молодые годы мечтал заработать миллион, спасти мир, написать знаменитый роман. А каковы мечты теперешнего американского студента? Они не выходят за рамки автомобильного гаража и работы в компании «Дженерал моторс».

— А что я должен делать? — возразил Дэвид Эггер.— Если я не буду думать об этом, кто обо мне позаботится? Заниматься политикой? Нет, наша политика — это грязный бизнес! Конечно, я уже сейчас должен думать о работе, иначе кто меня будет кормить?

— Не все из нас мечтают только об этом! — перебила Дэвида Эллен Мэйтаг.— Некоторые думают и о том, как сохранить мир. Пусть нам подскажут, как это сделать. Нас поучают тем вещам, которые мы уже знаем... Мы не можем доверять нашим репортерам, верить радио и телепередачам. Все они искажают правду. Наши профессора увековечивают ложь, университетская администрация в течение четырех лет пичкает нас неправдой. Это не только в Станфорде...

Неизвестно, чем бы окончился этот разговор, если бы в эту минуту не появился улыбающийся и свежий Уолтер Клеменс и не сообщил, что пора готовиться к отлету в штат Северная Каролина.

— Там,— говорил нам в самолете Уолтер Клеменс,— вы ознакомитесь с положением негров на юге США.

— Разве это южный штат? — спросили мы его.— Ведь Северная Каролина считается «пограничным» штатом...

— Зато это типичный штат,—настаивал Уолтер Клеменс.

В «пограничном» штате куда ни ступишь — кругом надписи: «Только для белых» и «Только для черных». Школы и университеты — «Для белых» и «Для черных». Даже таблички на дверях туалетов табачной фабрики указывают, куда может заходить белый и куда — негр.

— Чем же это объяснить? — спрашивали мы студентов «белого» университета Чэппл-Хилл.

— Традиции — смущенно отвечали они и, не глядя в глаза, добавляли: — С этим трудно бороться, это уходит глубоко корнями в период рабства...

— А где же традиции Джефферсона? — допытывались мы.

— Они изложены в конституции,— не без иронии ответил студент юридического факультета Джерри Милтон.

На одной из прогулок по живописным окрестностям Дарема меня сопровождали студенты негритянского колледжа — Вилли Джонсон, сын богатого торговца, и сын крупного фермера Джек Боулз.

— Когда вы вернетесь в Россию, расскажите своим друзьям, что у нас в штатах есть негры, которые не жалуются на свое положение. Есть же негры в сенате США...—говорил мне Вилли Джонсон.

— А сколько?— с ехидцей спросил его Джек Боулз.— Один на 16 миллионов? А в нашем штате, где живет более миллиона негров, есть хоть один негр в администрации города или в сенате Северной Каролины?

— Да, но...

— Что но? — наступал Джек Боулз.— Может быть, ты скажешь, что это только в южных и «пограничных» штатах? Или что так обстоит только с неграми? Вспомни хотя бы случай с американским корейцем Сэмми Ли. Этот спортсмен два раза завоевывал золотые медали для США по прыжкам в воду на Олимпийских играх. Его сам президент посылал в турне по Дальнему Востоку. А зачем? Чтобы он служил примером отсутствия расовой дискриминации в Америке. А что случилось с ним, когда он вернулся? Ему из-за цвета его кожи не разрешили купить домик под Лос-Анжелосом. А он ведь не был даже негром!

Вилли Джонсон молчал.

— Так что расскажите своим друзьям в России о Вилли и обязательно добавьте, что такого мнения, как он, придерживаются лишь единицы. Миллионы же наших негров не хотят терпеть постыдную сегрегацию,— сказал мне Джек Боулз.

— У вас, кажется, остался невыясненным вопрос о положении наших фермеров,— сказал нам предупредительный Уолтер Клеменс.— Об этом вам расскажут руководители Национального союза фермеров в Вашингтоне.

На восьмом этаже большого здания, в котором располагаются руководящие органы различных фирм и организаций, висела небольшая табличка с надписью: «Правовая контора Национального союза фермеров». У входа нас встретили Ричард Шипман, ассистент по правовым вопросам, и Артур Томпсон, редактор печатных изданий союза.

В Национальный союз фермеров входят 300 тысяч трудовых крестьянских семей. Каждый день им приходится вести борьбу не на живот, а на смерть с крупными фермами, сбивающими цены на рынке.

— Мы в заколдованном кругу,—разводит руками Ричард Шипман.— Денег у фермеров нет, а чтобы получить заем, правительство требует сокращения посевов. Сократи посевы — нечего будет продавать! В выигрыше остаются только крупные хищники...

— Поэтому и идет сокращение фермерских хозяйств,— добавляет Артур Томпсон.— Только за один последний год землю покинули миллион восемьсот тысяч фермеров.

— А чем они сейчас занимаются? — спрашиваем мы.

— Союз не поддерживает связи с теми, кто ушел в город,— вздыхают наши хозяева.

— А каковы доходы фермера?

— Очень низкие... Половина того, что может заработать горожанин...

— Вы узнали только темные стороны жизни американских фермеров,— угрюмо заметил Уолтер Клеменс,— и не узнали положительных.

— О каких положительных сторонах можно говорить, когда крестьянин вынужден бросать землю? — поинтересовались мы.

Уолтер Клеменс молчал.

— Ну, а сейчас,— сказал он минут через пять,— мы едем на очередную пресс-конференцию...

...У нас

— Где бы вы хотели сегодня побывать? В вашем распоряжении автомобильный завод имени Лихачева, завод «Шарикоподшипник», коксогазовый завод, кондитерская фабрика «Красный Октябрь».

— О, это очень хорошая программа! — восклицают американские студенты и сразу начинают разбиваться на группы.

В группе, едущей на кондитерскую фабрику,— студентки и профессор Роберт Бауэрс, убеленный сединами пожилой человек.

Главный технолог «Красного Октября» Наталья Васильевна Кречетова представляет гостям работниц шоколадного и карамельного цехов Валю Королеву и Машу Сафонову.

— А можно ли фотографировать в цехах? — робко спрашивает Сэлли Амстер, студентка художественного факультета Корнельского университета.

— Почему же нет? — удивляются Валя и Маша.— Разве у вас запрещают фотографировать предприятия, где производят продукты питания?

Сняв колпачки с фотоаппаратов, американцы поспешно двинулись к выходу из приемной.

— Ну нет, так нельзя! — останавливает их Наталья Васильевна. — Сначала наденьте халаты и шапочки!

В карамельном цехе студенты оглядываются вокруг.

— Хотите поговорить с работницами? — предлагает гостям Наталья Васильевна.

— А что, у вас все фабрики такие, как эта? — недоверчиво спрашивает Сэлли Амстер.

— Что вы, есть и лучше! — смеется Наталья Васильевна.— Я здесь работаю больше тридцати лет. А за эти годы в нашей стране построено немало хороших кондитерских фабрик.

Американцы рассыпаются по цеху. Они долго расспрашивают работниц о зарплате, об отпусках, о детях. Роберт Бауэрс занят

На фабрике «Красный Октябрь». Профессору Роберту Бауэрсу интересно узнать, где проводят свой отпуск работницы фабрики.

Фото Л. Лазарева.

одним: бегает от станка к станку и разглядывает производственные клейма.

— Не волнуйтесь, все станки наши,— говорит ему Маша.

— Йес, йес,— говорит немного озадаченный профессор.

Он бросается к ленте конвейера, начинает зачем-то ковырять карамельную массу.

— Отведайте нашей карамельки, — говорит Маша.

Профессор кладет предложенную девушкой пригоршню карамели «Снежинка» в карман своего халата.

Шоколадный цех. Снова беседы с работницами, снова профессор Бауэрс изучает клейма станков.

— Ну, как наш шоколад?—спрашивает гостей Наталья Васильевна.

— Очень вкусный,— говорит Бауэрс, пережевывая плитку шоколада,— но он дороже чем наш.

— Я ведь пробовала и ваш шоколад,— улыбаясь, возражает Наталья Васильевна.— В нем и состав другой и питательность ниже.

— Это, пожалуй, верно,— подтверждает миссис Эдна Болдуин, пятидесятивосьмилетняя преподавательница Мичиганского университета.

В приемной дирекции гости пили чай и забрасывают Наталью Васильевну вопросами об условиях труда и быта работниц фабрики.

— Клуб, детские сады и ясли — все это за счет предприятия? — спрашивают они.

— Вы не увольняете беременных женщин? — перебивает Роберт Бауэрс.

Присутствующие работницы смеются — настолько дико звучит для них этот вопрос.

— А какие условия труда женщин в Соединенных Штатах? — спрашивает, в свою очередь, Валя Коро эва.

— У нас очень мало работает женщин, — быстро отвечает профессор Бауэрс,— они занимаются домашними делами.

Миссис Болдуин со светской улыбкой протягивает девушкам несколько цветных диапозитивов; там изображена ее семья на даче, у которой стоит большой легковой автомобиль.

— А кто ваш муж? Из рабочих или из крестьян? — спрашивает Маша Сафонова.

— О, нет!.. — восклицает миссис Болдуин.

— Так зачем вы тогда говорите за всех американских женщин? — спрашивает кто-то из самих американцев.

Почти три часа продолжалась беседа на фабрике «Красный Октябрь» и кончилась тогда, когда были исчерпаны все вопросы...

Два автобуса с 35 американскими гостями подъехали к главному вестибюлю МГУ имени Ломоносова. В зале собралось человек сорок наших студентов.

— Почему так мало? — спросил недовольно Кент Гайгер, профессор социологии Гарвардского университета.

— Сейчас же каникулы,— ответили ему.— Приезжайте еще раз осенью и зимой, тогда студентов будет, конечно, больше...

Студенты всех стран мира быстро находят общий язык. Их интересуют программы обучения, студенческие организации, стипендии.

— Кто у вас может учиться в университетах? — спрашивают наши студенты.

— Все! — не моргнув глазом, отвечает Джон Армстронг, аспирант Гарвардского университета.

— Вот в Гарвардском университете какой процент детей хотя бы из средних семей?

Джон задумывается, а его коллеги хлопают в ладоши. Это у них выражает одобрение правильно поставленному вопросу.

— Джонни, я тоже хотел бы учиться в Гарварде, а у меня ничего не вышло,— бросает Армстронгу кто-то из членов делегации.

— Какая плата за обучение в высших учебных заведениях США?

— Разная,— отвечает другой гарвардец, Джон Мадд.

— Ты лучше скажи, какая в Гарварде! — раздается снова иронический голос того же студента.

— 1 200 долларов в год...

И Джон Мадд сконфуженно умолкает. На помощь гарвардским коллегам приходит профессор социологии Кент Гайгер. Смысл его объяснения вкратце сводится к следующему: «Гарвард есть Гарвард».

Слово берет студент географического факультета Колумбийского университета негр Тэд Алексаидер.

— Я представитель негритянских студентов, но я, как видите, могу учиться в Колумбийском университете...— гордо говорит он.

— Кто же ваши родители? — спрашивают Тэда советские студенты.

Тэд отвечает, что его отец владеет страховой компанией.

— А сколько всего негритянских студентов учится в Колумбийском университете и сколько в Гарварде? — спрашивают Тэда.

Тэд начинает что-то высчитывать на пальцах, потом растерянное его лицо расплывается в улыбке, он машет рукой и сам начинает аплодировать вопросу.

Разговор советских и американских студентов затянулся до полуночи...

Делегация американских студентов разбивается на три группы и вылетает по трем маршрутам: Киев — Крым, Сталинград — Ростов — Харьков, Ташкент — Алма-Ата.

В третьей группе тринадцать студентов и аспирантов, сыновья и дочери зажиточных родителей. Возглавляет группу миссис Эдна Болдуин. В группе представители различных национальностей: негр Тэд Александер, Тадеуш Бруно — сын поляка-коммерсанта, Дейв Ямакава — японец.

— Это потому, что мы едем в национальные республики, — объясняет нам возглавляющая группу миссис Болдуин.

В Ташкенте американские студенты первым делом попросили осмотреть «старый» и «новый» город, а также городской рынок.

— Пожалуйста, — сказали им хозяева из комитета молодежных организаций Узбекистана,— мы гостям показываем все.

— А почему здесь не видно верблюдов? — удивлялась аспирантка школы журналистики Колумбийского университета Беверли Дип, держа наготове свой фотоаппарат.

Обнаружив, что в Ташкенте средствами передвижения служат автомобили, троллейбусы, автобусы и трамваи, она всю свою энергию сосредоточила на фотографировании домов, подлежащих сносу, различных свалок и помоек. От нее не отставал выпускник Гарвардского университета Эдмонд Леви, официальный фотограф группы.

— Зачем вам все это? — спрашивали их узбекские хозяева.

— Нас интересует экзотика,— отвечали они.

— Может быть, вы заодно будете фотографировать новые жилые кварталы для рабочих?

— О'кэй! — нехотя соглашались американцы.

Беверли Дип собирала «экзотические» материалы для агентства Ассошиэйтед пресс, а Эдмонд готовил такой же «экзотический» фильм для показа в США.

Семь дней пробыли в Ташкенте американские студенты, и для них были открыты двери школ, фабрик, высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов, колхозов, детских садов, дворцов пионеров.

— Как вам понравился наш Ташкент? — спросили узбекские студенты.

— О, это замечательный город! — говорила миссис Эдна Болдуин.— Я не думала, что в Азии может существовать такой крупный промышленный и культурный центр. А я долго жила в различных странах Азии. Особенно меня поразила жизнерадостная молодежь, которая живет здесь дружно, единой семьей.

* * *

— Все ли вы видели, что хотели? — спросили мы американских студентов, когда три группы вернулись в Москву.

— Конечно,— отвечали американцы.— Мы увидели больше того, чего ожидали. Мы увидели и убедились в том, что советский народ сердечный и гостеприимный. Такой народ не может желать войны. Мы хотим, чтобы вы приезжали к нам, а мы к вам.

— Мы всегда за взаимный обмен. Мы рады всем гостям, если они, конечно, приезжают в Советский Союз с доброй волей и добрыми намерениями.

Аспирант Гарвардского университета Джон Армстронг думает, как лучше ответить на вопрос: «Сколько студенты университета должны платить за обучение?»

КРИК ГУСЕЙ НАД ЛУГАМИ

Дмитрий КОВАЛЕВ

Крик гусей над лугами.
Крик гусей над лугами...
За рыжинкой дубков на косом бугорке.
Крик гусей
Над большими, большими логами,
Над проветренной полой стерней,
Что звенит под ногами
Утром чистым и хрустким,
Как первый ледок на реке.
  Крик гусей,
  Крик гусей
  За продрогшей листвою осины,
  За скирдами —
  От них в голом поле теплей.
  И под пестрой берестою крыльев гусиных
  Вдруг молочней березовых стали
  Стволы тополей.
Крик гусей,
Крик гусей...
Все куда-то зовет
За туманом, приникшим к низинам...
То ль за юностью
В древние-новые степи чудес,
То ли в зябкую высь
Над разросшимся клином озимым,
Где земная звезда
Пробивается к звездам небес.
  Крик гусей,
  Крик гусей
  За сухой волокнистою тучей,
  Над жнивьем,
  Где в морозинке пуха пустые тока̀
  Над Россиею всей
  Крик гусей...
  Будто век мой связал
  Он с ее стариною дремучей
  И с мечтою о будущем,
  Крик этих серых гусей.
У залитой отавы
Над всеми слыхать берегами
В моросящий закат,
И на зорьке,
И выцветшим днем...
Крик гусей над лугами,
Над большими, большими,
Большими логами...
Для меня
Вся осенняя родина в нем,
В сердце моем.

Т. В. Хвостенко, Н. Ф. Кавтарадзе. МОЛОДОСТЬ.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

Д. П. Черняев. ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ СОРОК ВТОРОЙ ГОД.

Ю. С. Павлов. СТАДИОН.

Всесоюзная художественная выставка «40 лет ВЛКСМ».

И. П. Бевзенко. ПЕРВЫЙ КОМСОМОЛЬСКИЙ ПРОКАТ.

МАЧЕХА

Повесть

Виктор БАНЫКИН

Рисунки В. СУРИКОВА.

Глава первая, повествующая о важных событиях из жизни Феди

Жарко-на̀жарко. Даже ветерок, изредка лениво пробегавший по дымчато-серой от пыли дороге, дышал в лицо банным зноем. От этого зноя запеклись губы.

А укрыться от палящего солнца совсем негде. Куда ни поведешь глазом, кругом только небо да степь, степь да небо. И кажется, этому необозримому простору белесого неба, чуть засиненного в вышине, да зеленовато-бурому морю хлебов нет ни конца ни края.

Уже больше часа валко шагал Федя по жесткой, укатанной грузовиками дороге. И странное дело: когда неделю назад они с Кузей отправились на хутор Низинку в гости к совхозному бахчеводу Митричу, Кузиному дедушке, тоже припекало щедрое степное солнышко, но Федя тогда почему-то ни капельки не притомился и пришел на хутор бодрым и резвым. А сейчас он с трудом переставлял ноги.

Но вон как будто за тем рыжим бугром забелели крыши совхозного поселка. Да только к чему торопиться? Все равно Федю никто не ждет дома. Отец целыми днями, от зари до зари, мыкается по степи. А в их двухкомнатном домике, пропахшем сосновой смолой, пусто и скучно...

Федя вздохнул и сошел с дороги на обочину. Он сбросил с плеча рюкзак на теплую, пропахшую пылью траву и с минуту наблюдал, как прыгали врассыпную трескучие кузнечики. Потом Федя и сам плюхнулся тут же, рядом с рюкзаком. На рюкзаке темнело пятно.

«От спины, наверно, пар идет!» — подумал Федя, отдирая пальцами прилипшую к лопаткам скользкую рубашку.

Когда в начале зимы отец приехал в Самарск, чтобы забрать с собой Федю и мать и навсегда увезти их на новые земли, куда-то в далекие оренбургские степи, Федины дружки от души завидовали ему, счастливцу.

В путь-дорогу Федя собирался в радостном возбуждении.

— Папка! — то и дело окликал он отца.— А коньки мне брать?

— Бери, бери,— говорил отец,— как же, пригодятся!

— А разве там, в степи, тоже есть катки, как у нас в Самарске? — допытывался Федя.

Отец смеялся и кивал большой, стриженой, словно у борца, головой.

— Будет, сынок, и каток, подожди, обживем степь, все будет!

А немного погодя Федя снова спрашивал:

— Пап, а удочки... их тоже можно брать?

— Бери и удочки, — опять смеялся отец, помогая матери закрыть чемодан.

— А там и река есть, как наша Волга? — не унимался Федя, и его глаза, золотисто-карие, полосатые, будто спелые крыжовинки, загорались неподдельным восторгом.

Отец вытирал с бугристого лба испарину и подзывал к себе сына.

— Волги, положим, там нет, Федор, ну, а озеро... Это я тебе обещаю, будет. Наш совхоз не зря ведь назвали Озерным.— Он заглядывал Феде в его большие, лучистые глаза и добавлял: — Будет озеро... Мы и рыбу в нем всякую разведем. А захочешь поплавать или там на лодке покататься,— пожалуйста, твое дело!

С тихой, грустной улыбкой мать поглядывала то на отца, то на сына. Быть может, она уже тогда предчувствовала, что ей не долго придется жить на новом месте?..

У Феди вдруг искривились пересохшие губы. Он сорвал попавшийся под руку стебелек полыни и поспешно сунул его в рот. Федя жевал горький, как хина, стебелек, не ощущая горечи: наверно, только потому, что у него и на душе тоже было горько.

...Через полмесяца после приезда в Озерное с матерью случился сердечный припадок. Федя сидел за столом, готовя уроки, когда она вдруг упала на пол, запрокинув назад голову. В посиневшей руке матери были зажаты Федины носки с худыми пятками: она только что собиралась их штопать.

Мать умерла на другой день под вечер. За окнами бушевала метель, и было так сумеречно, что в комнате включили электрическую лампочку. Мертвенно-бледный свет упал прямо на кровать с никелированными шарами, и Федя отшатнулся, прикрыв ладонью рот, не в силах отвести обезумевшего взгляда от бледного, без единой кровинки лица, как будто родного и как будто незнакомого.

Сумасшедший ветер сотрясал стены крохотного, беззащитного домика, словно силился повалить его набок. Но это ему никак не удавалось. Тогда ветер принимался надсадно завывать в печной трубе и плеваться в окна хлопьями сырого, тяжелого снега.

Метель гуляла по степи трое суток. И все это время мать лежала на столе в переднем углу, прикрытая холодной и белой, как снег, простыней. Еще недавно такая добрая и заботливая, она теперь была равнодушна ко всему, что вокруг нее делалось. Ее не трогали даже Федины слезы, горячими каплями падавшие на край страшной простыни...

С тех пор Федя и возненавидел эту бесприютную, неласковую степь без конца и края. И всем сердцем затосковал о сверкающей в лучах солнца Волге, о родном шумном городе с зелеными скверами и такой чудесной гранитной набережной.

И тут-то у Феди и стало без конца срываться с языка:

— А вот у нас на Волге...

О чем бы ни шел разговор, а он все сводил на свой Самарск.

Часа два назад Федя даже рассорился со своим новым другом Кузей, и все из-за Волги. Случилось это так.

С утра они помогали Митричу пропалывать морковь. Митрич, старик сухощавый, длинный, с головы до пят прокопченный на жарком степном солнце, любил поговорить. Не торопясь, чуть покашливая, рассказал он ребятам и в это утро много разных занятных историй из своей долгой жизни. А прожил старик всю свою жизнь вот тут, в степи.

Рассказал Митрич и о том, как в осеннюю пору двадцать девятого года он чуть не погиб в степи во время налетевшего внезапного бурана, когда пас отару овец богатея Абдильды Суламбекова.

Рано наступили сумерки. Ветер гнал по степи хлопья сырого снега, и в двух шагах не было видно ни зги. Тогда-то вот Митрич и сбился с дороги. В какой стороне кошара? Куда гнать перепуганных, ослабевших овец? И если бы Митрич случайно не наткнулся на древний Батыров курган — а от него рукой подать до Сухой балки, возле которой и стояла Суламбекова кошара,— кто знает, что бы тогда с ним было...

Услышав про Батыров курган, Кузя навострил уши.

— Деда, а какой-такой Батыров курган? — спросил он, блестя глазами.

— Да есть такой... С незапамятных времен стоит он в степу. А на макушке камень, камень весь мохом порос от старости.

Ребята переглянулись. И оба подумали: «А не спрятан ли в этом кургане клад? Находят же в разных местах, и тоже в курганах, доспехи древних воинов и всякие другие вещи!»

— А в каком месте, деда, Батыров курган? — опять спросил Кузя.

Дед свернул самокрутку, задымил.

— Там, неподалечку от Сухой балки... Я в тех местах, признаться, и не помню, когда был. Может, уж камня того на Батыровом кургане давным-давно и нет. А так курганов-то всяких разве мало по степу маячит?

— А почему он Батыровым называется? — не удержался от вопроса и Федя.

— Не знаю,— развел руками Митрич.— Люди так прозвали.

Ребята снова переглянулись.

— Разыщем? — шепнул Кузя товарищу, когда старик пошел к ручью за водой.

— Ага,— кивнул Федя.— Как вернемся домой, так и в экспедицию!

— Только, чур, чтобы полная тайна! Идет? — сказал Кузя.— Чтобы ни-ни... ни единая душа, кроме нас с тобой, не знала. А то другие мальчишки прослышат и нас с тобой оставят с носом! А в этом Батыровом кургане, может, разное оружие запрятано...

— Оружие? — ахнул Федя и с опаской огля-

нулся назад: не подслушивает ли их кто.— Вот здорово! А пистолеты там тоже есть?

Кузя пожал плечами.

— Откуда мне знать?.. Наверно, тогда никаких пистолетов и в помине еще не было...

— Ладно, обойдемся и без пистолетов, пусть будут разные мечи, колчаны! — Федя от волнения даже задохнулся.— Смотри только сам никому не проговорись! А хочешь, дадим друг другу клятву? А? В полночь над дохлой кошкой...

— Никаких кошек,— отрезал Кузя.— Мы же пионеры. Раз дали слово — значит, все!

Вернулся Митрич, и ребята перестали шептаться.

Как-то совсем незаметно они проработали до обеда. И тут-то и разразилась ссора, будто гром среди ясного неба.

Поглаживая одеревеневшую поясницу, Федя устало протянул:

— Эх, искупаться бы!..

— Погоди малость,— сказал Кузя, вытирая рукавом футболки малиновое, в конопатинах лицо.— Вот построят в Сухой балке плотину... Вот посмотришь тогда, какое озеро разольется. Уж и покупаемся тогда досыта!

Федя недоверчиво мотнул головой и сказал (эх, дернула же нелегкая!):

— Озеро... это еще когда будет, а лучше, чем у нас на Волге, тут никогда не будет!

У Кузи потемнели его подсиненные, точно весеннее бездонное небушко, глаза.

— А знаешь, Федька, ты мне до смерти надоел со своей Волгой! — Он коротко передохнул и закончил, крепко сжимая загорелые, грязные от чернозема кулаки: — И если ты не перестанешь трепаться, то смотри...

— Что смотри? Ну, сказывай, пока не поздно! — вскипел тоже Федя, забывая и про их дружбу и про тайный сговор о поисках древнего Батырова кургана.

Сначала Митрич не без любопытства смотрел на расходившихся ребят. В глазах его запрыгали веселые огоньки (кто знает, может, деду вдруг припомнились его далекие мальчишеские годы?). Но вот он, напуская на себя строгость, сердито сказал:

— Кыш вы, кочетки! Возьму хворостину да хворостиной вдоль спины обоих огрею!

Федя не понял шутки и со всех ног бросился к шалашу. Схватив рюкзак, он кое-как затолкал в него байковое одеяльце... К нему уже бежал Кузя, на ходу предлагая мировую; дед Митрич тоже что-то кричал, махая войлочной шляпой; но Федя, ничего не слыша, перемахнул через плетень и, не оглядываясь, затрусил по пыльной дороге в сторону совхоза...

Теперь Федя никогда больше не будет дружить с Кузькой. Никогда! А на поиски Батырова кургана Федя отправится один. Посмотрим еще, кого ждет удача!.. И он снова трогается в путь.

Солнце стояло в зените и палило пуще прежнего. Жара проняла даже ворону. Взъерошенная, неопрятная, с растопыренными крыльями и раскрытым клювом, она неподвижно торчала на маковке телеграфного столба, чем-то напоминая старое, изъеденное молью чучело.

Но вот наконец и поселок. Своими белыми постройками он запятнал ровную, будто стол, возвышенность, с которой особенно далеко была видна степь на все четыре стороны.

Федя подходил к ремонтным мастерским, когда ему повстречался прицепщик Артем — лихой, бедовый парень лет семнадцати, с черным пушком над верхней губой.

Артем ехал на велосипеде, ехал ни шатко ни валко, еле нажимая на педали ногами. Замасленный картуз сполз Артему чуть ли не на самый нос, но прицепщик не пытался водворить его на прежнее место.

Наверно, и Артему тоже было невтерпеж от палящего зноя. Но Федя предусмотрительно сошел с дороги. С этим озорником, жившим в поселке напротив их дома, через дорогу, всегда надо держать ухо востро.

Предосторожность Феди оказалась не напрасной. Артем все-таки заметил Федю. И что вы думаете: всю сонливость с парня словно ветром сдуло! Проворным движением руки Артем лихо сбил на затылок картуз. Потом пронзительно свистнул — точь-в-точь как Соловей-разбойник — и, нажимая изо всей силы на педали, понесся прямо на Федю.

Погрозив Артему кулаком, Федя побежал напрямик к мастерским. Он бежал по засохшему бурьяну и острым, будто камни, кочкам. Опасность придавала силы, и Федя летел, как по воздуху. Наконец оглянулся, перевел дух и торжествующе закричал:

— Ага, не догнал! Кишка тонка!

Артем и на самом деле безнадежно отстал. Велосипед вилял из стороны в сторону, а его хозяин то и дело подпрыгивал на сиденье, как футбольный мяч. И Артему ничего больше не оставалось делать, как повернуть назад, на дорогу.

«Подожди, я вот сил наберусь, покажу тебе, обидчик!» — мысленно пригрозил Федя Артему, глядя ему в согнутую спину, плотно обтянутую выгоревшей гимнастеркой. У Артема недавно вернулся из армии брат, и теперь прицепщик частенько щеголял в солдатской форме: то штаны с пузырями наденет, то гимнастерку, то фуражку с зеленым околышем.

По широкой пустынной улице поселка Федя уже не шел, а плелся, еле волоча ноги. Позади остались кирпичные здания больницы и школы, а ему все еще не повстречалась ни одна живая душа. Какая-то властная, гнетущая истома сковала тяжелым сном не только изнывающую от нестерпимого зноя степь, но и поселок Озерное.

Куры, собаки, и те, казалось, вымерли от жары. На строительной площадке возле клуба тоже было сонное царство. А здесь обычно с утра и до вечера с веселой отчаянностью перестукивали топоры, зычно покрикивал прораб да слышался рассыпчатый смех никогда не унывающих девчурок-каменщиц, приехавших на стройку откуда-то из-под Иванова.

«Обеденная пора!— подумал Федя, останавливаясь напротив стройки. — Пока был на хуторе, сколько они тут понаделали всего!»

Здание клуба, обещавшее стать просторным и красивым, было возведено под самый потолок. Плотники уже ставили стропила. Пройдет еще день — другой, и у клуба появится крыша.

Вдруг над клубом закружился горячий вихрь, унося к небу золоченые стружки. А слепящая глаза своей неземной белизной куча известки, сваленная прямо на землю, закурилась молочным дымком. Ну, ни дать ни взять — карликовый вулкан! Федю с головы до ног запорошило известковой пылью. Чихая и потирая кулаком заслезившиеся глаза, он побрел дальше.

Когда Федя вошел к себе во двор, сенная дверь была настежь распахнута.

— Папка! — обрадованно закричал он, бросаясь к высокому крыльцу с покатыми перилами.— Ты разве уже дома, пап?

Но у крыльца Федя остановился как вкопанный. От старательно выскобленных, цвета яичного желтка ступенек еще пахло горячей водой и половой тряпкой.

«Эх, крыльцо-то у нас! И кто это его так надраил?» — тараща глаза, подумал Федя, все еще не решаясь ни положить пропыленный рюкзак на нижнюю ступеньку, ни ступить на нее ногой.

Озадаченного Федю окликнули:

— Здравствуй, Федя!

Он поднял голову. В дверях стояла с полотенцем через плечо румянощекая фельдшерица Ксения Трифоновна. Молодая женщина была в ситцевом пунцовом сарафане, вся какая-то простая, домашняя.

— Здравствуйте,— смущенно сказал Федя, привыкший видеть фельдшерицу у себя в школе в строгом белом халате, застегнутом на все пуговицы. В белом халате она появлялась и у них в доме месяц назад, когда Федя болел расстройством желудка.

— А у меня уже не болит теперь живот,— набравшись решимости, выпалил он одним духом и покраснел.— А папы разве нет дома?

— Он на работе,— ответила Ксения Трифоновна, и круглое некрасивое лицо ее с добрыми, кроткими глазами тоже почему-то покраснело.

В эту самую минуту оцинкованное ведро, висевшее на колу у плетня, внезапно с грохотом упало на землю и покатилось прямо Феде под ноги.

Федя оглянулся, но успел лишь заметить юркнувшую за плетень чью-то макушку с рыжевато-медными, как крысиные хвостики, косичками.

— Ай-яй-яй!—покачала головой Ксения Трифоновна.— Зачем же ты, пострел, подглядываешь? Это некрасиво!

— Это не пострел,— сказал Федя,— а просто Аська. Лягушка-конопушка. Соседская девчонка.

— А ты Федька-медведька! — донесся из-за плетня писклявый голосок.

— Я тебя сейчас за косички оттаскаю!

— А я не боюся, а я не боюся! — запела Аська во весь голос, и над плетнем показалась ее конопатая лисья мордочка с маленькими плутоватыми глазками.— Попробуй тронь, а мачеха тебе и всыплет, неслуху! Они, мачехито, все ой какие злые!

Федя скользнул испуганными глазами по мертвенно-бледному лицу Ксении Трифоновны, комкавшей в руках полотенце, и опрометью бросился вон со двора.

Ведерко, попавшееся ему под ноги, отлетело в сторону и долго еще потом заунывно дребезжало погнутой дужкой.

Глава вторая. Отец разыскивает сына

За Озерным, на выжженном солнцем рыжем бугре, рос молодой, веселый тополек.

С этим топольком Федя впервые познакомился еще зимой, катаясь вокруг поселка на лыжах. Деревцо одиноко стояло на заснеженном бугре, а вокруг него во все стороны расхлестнулась степь, тоже вся заснеженная, без единого пятнышка. Голые ветви трепал ветер, да и сам тополек чуть гнулся, когда ветер, набирая силу, налетал порывисто, молодецки посвистывая.

И Феде тогда вдруг стало страшно за молодой тополек.

Выдержит ли дерево здешние суровые морозы, не рухнет ли оно наземь в буран под напором яростного ветра?

Не долго думая, Федя воткнул в снег рядом с деревцем палку и принялся забивать ее в

промерзшую землю лыжей. Потом он привязал палку к тонкому стволу ремешком и отправился домой, чувствуя себя немного успокоенным. Раза два Федя оглядывался и кивал тополю, будто прощался со старым другом.

И с того самого серенького декабрьского денечка Федя и зачастил к молодому топольку.

Но вот кончилась метельная зима, наступил долгожданный май, и одинокий тополек весь как-то светло и пышно зазеленел на радость всему живому.

Не поддался гордый, стройный тополь и всеиссушающему зною. Он по-прежнему, как и в мае, горел буйным зеленым пламенем своей молодой, упругой листвы.

Здесь-то вот, в тени, под знакомым топольком, Федя и свалился, уткнувшись мокрым от слез лицом в колючую траву.

«Эх, папка, папка, ну что ты наделал? — с укором и болью в сердце спрашивал он отца. — Ну разве нашу маму... Разве лучше нашей мамы есть кто-нибудь на свете?.. Папочка, родной, я все-то, все буду сам делать, я во всем буду тебя слушаться, только не надо нам этой Ксении Трифоновны! Никого нам не надо!»

И Федю снова начинали душить слезы, худенькие плечи содрогались от глухих рыданий...

Отец разыскал Федю под вечер. Федя спал под тополем, сиротливо прижавшись чумазой щекой к земле.

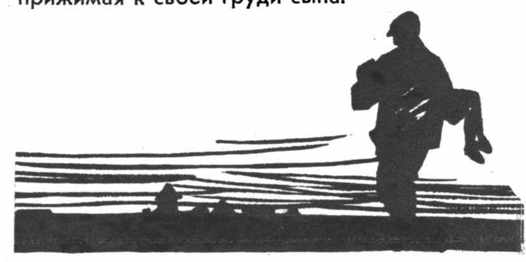
Присев на корточки, отец осторожно взял Федю на руки. Федя не проснулся. Он лишь почмокал почерневшими от жажды губами да обвил своей рукой побуревшую от пыли и загара крепкую шею отца. Так он любил делать, когда еще был маленьким.

Отец долго смотрел в лицо Феди. У сына чуть подрагивали веки — полупрозрачные, отливающие перламутром.

— А я, Федюшка, завтра собирался поехать за тобой на хутор... И про все-то хотел тебе рассказать,— как бы оправдываясь перед сыном, негромко сказал он.— Беспризорный ты мой галчонок... Одичал ты совсем без мамки.

У отца что-то запершило в горле. Он все глядел и глядел в неспокойное лицо сына и думал, правильный ли сделал он шаг, вновь женившись. Будет ли Ксения Трифоновна матерью его Федюшки? Или она навсегда останется ему только мачехой?

На степь наползали мглистые лиловые сумерки, когда отец, поцеловав Федю в горячие солоноватые губы, зашагал к поселку, бережно прижимая к своей груди сына.

Глава третья. Серебряный снег

Теперь дома Федю все раздражало: и голубые занавески на окнах, и полосатая дорожка на полу, и цветы. Эти пестрые букетики неярких степных цветов привозила Ксения Трифоновна, мыкаясь по фермам совхоза верхом на спокойном сивом мерине Тришке. Федю раздражала и чистота, которую мачеха наводила повсюду: в комнатах, на кухне и даже (ну, не смех ли, а?), даже в сарайчике для дров!

Феде казалось, что эта чужая женщина, так нежданно ворвавшаяся в его жизнь, на каждом шагу оскорбляет память о матери, хозяйничая в их доме, как ей вздумается.

Украдкой, с неприязнью следил он за каждым шагом Ксении Трифоновны. Накрывала ли она стол к обеду, только что вернувшись из поездки на дальний полевой стан, или стирала белье, Федя пытался представить себе: а как бы все это делала его мама?

А когда у Ксении Трифоновны, вырываясь из рук, со звоном летела на пол ложка или вилка или когда она подавала на стол пересоленный суп, Федя со злорадством думал: «А у моей мамы никогдашеньки такого не было! Она меня ругала, если я нечаянно ронял ложку, и не то чтобы сама... и никогда и ничего не пересаливала».

Просыпаясь по утрам, Федя теперь всегда находил на столе завтрак, приготовленный для него мачехой, аккуратно прикрытый упругой белоснежной салфеткой. А на салфетке неизменная записка, в которой перечислялось, что ему по порядку надо съесть. Это тоже раздражало Федю.

Даже после смерти матери, когда они с отцом остались одни, жилось Феде и то как-то лучше, чем сейчас. Тогда он сам себе был хозяином — варил ли картошку «в мундире» или жарил яичницу с салом. А иной раз случалось, что в посудном шкафу, кроме краюхи хлеба да куска сахара, решительно ничего не было, но Федя не унывал. Даже если доводилось проспать и времени оставалось в обрез—лишь добежать до школы, то и тогда Федя не терялся. Проворно одеваясь, он на ходу жевал хлеб вприкуску с сахаром, и так-то все это было вкусно!

Нынче утром, прямо с постели подсев к столу, Федя опять увидел записку Ксении Трифоновны.

«Федя,— читал он,— под салфеткой горячее яичко всмятку (оно завернуто в тряпочку), сливочное масло, котлета и булка. Чайник подогрей на плитке, котлету тоже (сковородка на кухонном столе). Когда будешь есть яичко, не забудь помазать булку сливочным маслом».

В записке было еще целых три строчки, но у Феди не хватило терпения дочитать ее до конца. Он в первую очередь съел оставленные к чаю конфеты, потом яйцо, круто посыпая его солью и совсем не дотрагиваясь до булки. Покончив с яйцом, Федя с неохотой принялся за холодную котлету. Раньше, при маме, он любил котлеты, а теперь они почему-то ему не нравились.

Про булку он вспомнил, когда уже пил пустой чай (эх, и зачем раньше времени слопал конфеты!).

Щипая булку, Федя болтал под столом ногами и вздыхал. До куска сливочного масла, оплывшего в масленке студенистым желе, Федя совсем не дотронулся. Уж чего он не мог терпеть, так это масла! Но Федю каждое утро, как назло, тычут носом в масленку.

Федя фыркнул и с силой прихлопнул масленку крышкой. Надо бы отнести масленку в погреб, на лед, но он и не подумает этого сделать. Не вымыл Федя после завтрака и посуду. В конце-то концов не мужское дело — убираться по дому!

Но чем бы все-таки сейчас заняться? Такая скука в этом Озерном! Там, в Самарске, Федя никогда не скучал. Развлечения на выбор, что душе угодно. Хочешь — отправляйся на Волгу купаться или рыбачить, хочешь — в парк, хочешь — на стадион. А то можно предоставить себе и такое удовольствие: на подножке трамвая, выводя из себя кондукторшу, объехать бесплатно весь город из конца в конец.

А сколько приятелей было у Феди в родном городе! А тут... завелся было один, Кузька, и с тем пришлось поссориться. И вот уже целых пять дней они не смотрят друг на друга, хотя и живут рядышком — лишь плетень разделяет дворы.

Надумал было Федя отправиться в экспедицию на поиски Батырова кургана, да не знает, куда идти. Старик Митрич говорил, будто курган находится где-то неподалеку от Сухой балки, но Сухая балка тянется по степи на несколько километров, а в каком месте надо искать, кто знает? Спрашивал Федя отца про Батыров курган, да тот тоже не знает. И Кузька почему-то медлит, не идет на поиски Батырова кургана и все крутится и крутится вокруг своего дома, мозоля Феде глаза.

Правда, ну чем же ему заняться? Федя рассеянным взглядом окинул комнату.

Луч солнца, золотым дымком струясь по комнате, упал на буфет, привезенный Ксенией Трифоновной. За стеклянной дверкой вдруг что-то блеснуло широко и ослепительно.

Сгорая от любопытства, Федя вылез из-за стола и побежал к буфету.

— А я-то думал!.. А это просто-напросто пачка чая в серебряной обертке! — разочарованно протянул Федя.

Но дверку он все-таки открыл. А пузатую пачку, распакованную, видимо, нынче утром, Федя взял с полки и, не долго думая, высыпал из нее в стакан скрученные почерневшие чаинки, похожие на засохших червяков.

Серебряную бумагу Федя осторожно разгладил на столе ладонью. Бумага приятно звенела, и в ней, как в зеркале, отражалось солнце. А ведь у него есть еще несколько листиков такой бумаги. Но вот вопрос: где они лежат?

На бугристом Федином лбу появилась глубокая бороздка, словно ее лобзиком пропилили от виска до виска... Ну где, где все-таки спрятаны листы шумящей серебряной бумаги?

В задумчивости Федя подошел к этажерке и стал перебирать свои книги.

— Вот они! — сказал вслух Федя, раскрывая учебник арифметики для второго класса, теперь уже совсем ему ненужный.

Между страницами книги лежало целых четыре листа — тонких, сверкающих, без единой царапинки. От них все еще по-прежнему слабо благоухало увядшими розами.

Федя снова задумался. Что бы такое сделать из этой бумаги? Фонарики? Ерунда, пусть девчонки занимаются такими пустяками!

Как-то машинально Федя взял ножницы и стал кромсать попавшийся под руки листик серебряной бумаги. Опомнился же он лишь после того, как от звенящего листа ничего не осталось. Федя огорченно посмотрел на стол, и вдруг по лицу его скользнула веселая улыбка.

На столе, на полу — повсюду вокруг него сверкали серебряные звездочки. А не залезть ли на крышу и не пустить ли эти звездочки по ветру! Подхваченные упругим ветром, Федины звездочки, легкие, как пушинки, полетят над Озерным, весело переливаясь всеми цветами радуги...

Федя повел пальцем по скользкой поверхности одной из звездочек. Как-никак, а все-таки жалко расставаться со своим сокровищем. Но вот он упрямо тряхнул головой — была не была! — и опять схватился за ножницы.

Звездочек настриг прямо-таки ворох! Осторожно высыпав их за пазуху, Федя на одной ноге поскакал во двор.

Чистое утреннее солнце уже светило так неистово, что Федя, выйдя на крыльцо, вдруг на миг ослеп.

А еще немного погодя он уже сидел на крыше, прочно оседлав теплый конек. Поселок Озерный лежал перед ним, как на ладони, окруженный зреющими хлебами, щедро умытыми прошедшим накануне спорым дождичком. Ржаные поля уже совсем посветлели, а широкие полосы ярко зеленеющей пшеницы протянулись до самого дальнего сырта, за которым туманилось синеющее марево.

«Наверно, вот так и на море... Кругом, до неба, одна вода,— решил Федя, глядя по сторонам.— А что, если мои звездочки улетят далеко-далеко... до самой Волги?»

Он вынул из-за пазухи первую горсть шуршащих звездочек, поднял над головой руку и разжал пальцы.

Вольный пряно-теплый ветерок подхватил невесомые блесточки и понес, понес их над домами поселка, увлекая в вышину необъятного небесного простора.

Вырвавшись из рук, звездочки стали будто живыми. Жарко горя, они то кувыркались, то взмывали ввысь, то делали плавные круги и неслись все дальше и дальше, превращаясь в серебряные точки.

Федя долго смотрел вслед улетавшим звез-

дочкам, пока они совершенно не растаяли в бездонной лазури. Он пустил на ветер уже третью горсть веселых звездочек, когда внизу, на соседнем дворе, Аська пронзительно закричала:

— Кузя! Беги скоренько сюда!

В окне, между плошками с цветами, показалась белесая стриженая голова.

— Ты чего орешь, оглашенная? — строго спросил Кузя сестренку.

— А ты не бранись, а прыгай сюда!— визжала в восторге Аська, размахивая руками, точно ветряная мельница крыльями.— Серебряный снег с неба летит... Прыгай, неслух, кому говорят!

Кузя взглянул на небо и больше уже ни о чем не раздумывал. Он выпрыгнул в окно, роняя на завалинку цветы, словно изба внезапно занялась пожаром.

— Смотри, смотри, сколько их кружится! — продолжала кричать Аська. От небывалого возбуждения давно не стриженные волосы на голове у Аськи растрепались и встали дыбом.

Но едва только Кузя внимательно огляделся вокруг, как сразу заметил сидевшего на крыше Федю. Кузя уже намеревался повернуться к Феде спиной, угостить Аську увесистой затрещиной, чтобы другой раз попусту не тревожила брата, и немедля уйти в избу, но что-то заставило его замешкаться.

Посмотрев еще на летевшие у него над головой серебряные звездочки, Кузя покусал губы, досадуя на себя, почему не он придумал это увлекательное занятие.

А Федя, следивший за Кузей исподтишка, тоже с досадой подумал: «Ну и болваны же мы с Кузькой! Целую неделю дуемся друг на друга... А из-за чего, спрашивается? А просто так... задешево продаешь! Уйдет сейчас он, и мы опять ни за что ни про что врагами будем».

И, уж сам не помня, что он делает, Федя вдруг крикнул:

— Эй, Кузька, залазь сюда! Вместе будем пускать. У меня этих звездочек за пазухой... половина запазухи!

Глава четвертая, в которой Кузя и Федя отправляются в Сухую балку

Когда все звездочки кончились, повеселевший Кузя сказал, барабаня голыми пятками по крыше:

— А знаешь, Федька, какая мне в голову мысль пришла?

— Какая? — заулыбался Федя. У него тоже было хорошее настроение от наступившего между ними мира.

— Немедля катись кубарем на землю, чтобы и духу нашего тут не было,— вдруг зашептал Кузя.— Бабка идет... А то мне за расколотую плошку с геранью, знаешь, как достанется? А про то, что я придумал, я тебе там расскажу.

Зная крутой нрав Кузиной бабки, худой старухи с длинным, утиным носом, Федя поспешно, перегоняя товарища, будто на салазках, съехал с конька вниз. У зубчатого края крыши он чуть приподнялся, растопырил для равновесия руки и прыгнул на землю. За ним бухнулся и Кузя.

А на соседнем дворе бабка Степанида уже истошно кричала:

— Ах, разбойники, ах, мучители! Такая росла герань — сердце радовалось, а они — нате вам — голову ей напрочь! Да я вам... да только попадитесь под руку... всю крапиву о вас исхлестаю!

Выглядывая из-за угла дома, мальчишки видели, как бабка бегала по двору, размахивая прутом. Аська, видимо, тоже куда-то спряталась.

В это время из сарая вышла черная козочка Зойка, неслышно ступая точеными ножками в белых носочках. Идя как-то боком, в тени сарая, козочка приблизилась к сеням, все время осторожно поглядывая на бабку Степаниду, не замечавшую ее. На завалинку Зойка впрыгнула легко и тоже неслышно. И тут, не долго думая, она с жадностью накинулась на герань с поломанной верхушкой.

— Бежим! — затеребил Кузя товарища за локоть.— Прямо к Сухой балке подадимся.

— В такую даль? И зачем? — удивился Федя.

— Или ты забыл про Батыров курган? Ведь мы же с тобой разыскать его решили!

— Ничуть и не забыл... Это я только сейчас забыл,— сказал Федя.

— Сходим на разведку для начала налегке,— продолжал Кузя.— Будем искать курган, на котором камень. Понятно? А на обратном пути завернем на стройку. Посмотрим, как там плотину строят. Идет? Говорят, на днях в Сухую балку машину новую прислали. Бульдозером называется. Всем машинам машина!

«Тоже мне невидаль какая — бульдозер! Вот шагающий экскаватор — это да! А этих бульдозеров я, может, тыщи видел у нас на Гидрострое!» —чуть было не сказал Федя, но, вовремя спохватившись, прикусил язык.

— Ну, подались? — заторопил Кузя.

— Подались! — кивнул Федя: снова ссориться с Кузей ему никак не хотелось.— Подожди, я только обуться сбегаю.

— Айда босиком! Так ногам куда вольготнее.

— Не-ет... я обуюсь лучше.

— Эх вы, городские! — беззлобно протянул Кузя.

* * *

Домой возвращались вечером, чумазые, усталые. И хотя на первых порах Кузе и Феде не удалось найти Батыров курган, оба были довольны походом. Ведь на обратном пути ребята заходили в Сухую балку на строительство плотины и там столько всего повидали!

— А бульдозерист Анвер... Вот парень! — сказал Кузя, перед тем как расстаться с Федей до завтра.— Мы к нему еще как-нибудь заглянем в гости, правда?.. И надо ж так ловко старое дерево повалить!.. Ж-жиг ножом под корень — и валится дуб!

Пока Кузя говорил, он то и дело поправлял трусы, подпоясанные промасленной веревочкой. Федя покосился на Кузю и чуть не рассмеялся.

С этими Кузиными трусами в Сухой балке стряслась беда. А всему виной Кузина поспешность. Но расскажем лучше все по порядку.

Когда мальчишки стояли на бугре и во все глаза смотрели, как работает сильная, лязгающая гусеницами машина, для которой, думалось, никакие преграды не страшны, из ее кабины вдруг высунулась курчавая голова молодого башкира.

— Э-эй, мальчики! — замахал рукой бульдозерист.— Сбегайте к той будке... воды принесите пить. Большое спасибо скажу, понимаешь!

Федя и Кузя наперегонки бросились к тесовой будке.

Парень с жадностью выпил целый ковш обжигающей губы ключевой воды. И вот тут-то осмелевший Кузя спросил:

— Дяденька... а с вами можно в кабине посидеть?

Бульдозерист вытер рукавом комбинезона скуластое, сразу вспотевшее лицо и улыбнулся до ушей, показывая влажные сахарные зубы.

— Якши вода! Айда, залезайте. Прокачу!

Кузя первым стал карабкаться по стальным ребристым гусеницам. Впопыхах он за что-то зацепился трусами. Боясь, как бы Федя его не обогнал и не занял в кабине место рядом с бульдозеристом, Кузя рванулся вперед, и в тот же миг у трусов лопнула резинка... Хорошо, у запасливого бульдозериста нашлась в объемистом кармане комбинезона шпагатинка, и Кузины трусы были быстро приведены в надлежащий порядок. А не окажись под рукой веревочки, пришлось бы Кузе все дорогу до Озерного поддерживать трусы руками!

— Правда, Анвер — мировой парень? — еще раз сказал Кузя.

— Анвер? Ага! — кивнул Федя.— А знаешь, Кузька... если бы нам топографическую карту этой местности достать. На ней наверняка и Батыров курган обозначен. Или, может, еще кого-нибудь из тутошних старых жителей поспрашиваем о Батыровом кургане?

Кузя подумал.

— Я вот что скажу: все это обмозговать как следует надо... Карту... где ее раздобудешь? А вот порасспрашивать... Надо так о Батыровом кургане выведывать, чтобы и не подумали, будто мы только об этом кургане и думаем... Тайна есть тайна! Понятно?

— Ага, понятно.

— Ну, то-то. Я нынче вечером все обмозгую, а завтра тебе выложу. И вместе додумывать будем.

— Идет! — весело засмеялся Федя. Ну и башка же у Кузьки! С таким впросак не попадешь.— Да, чуть не забыл,— спохватился Федя.— Ты прицепщика Артемку видел? Видел, как он с лопатой стоял на плотине и песок разравнивал?.. Набедокурил здорово Артем, вот его и турнули из прицепщиков!

— Так ему и надо,— сказал Кузя и сплюнул.

— Ага, пусть теперь нос не задирает.— И Федя тоже сплюнул.— Когда мы на бульдозере ехали, я ему язык показал.

Мальчишки попрощались, крепко стиснув друг другу руки, и разошлись.

Глава пятая. «Сами носите свои сандалии!»

Федя еще от калитки увидел отца. Он стоял на крыльце, голый до пояса, широко расставив ноги, а Ксения Трифоновна лила ему на согнутую спину воду из кувшина.

Видимо, отец только-только приехал домой. И как всегда, на полчасика, поужинать, чтобы снова умчаться на «козлике» в степь: у главного агронома совхоза сейчас была горячая пора года.

— Ох, ладно, ох, здорово! — крякал от удовольствия отец.— Лей еще, Ксюша, лей, голуба!

Мачеха ничего не говорила, она лишь негромко смеялась, и смех ее был счастливым и радостным.

Федя, только что собиравшийся рассказать отцу об их с Кузей походе к месту будущего озера,— рассказать так, как это обычно бывает у возбужденных чем-то мальчишек, взахлеб, перескакивая с пятого на десятое, ухитряясь в то же время задавать собеседнику десятки вопросов,— вдруг как-то скис, будто не на отца, а на него опрокинули кувшин с ледяной водой.

Остановившись в нерешительности посреди двора, он переминался с ноги на ногу, чувствуя себя здесь как бы лишним.

Отец первый заметил Федю.

— Ба-ба, Федор! — сказал он, растирая могучую спину мохнатым полотенцем.— Это ты где же, как поросенок, вымазался?

Федя глянул на свои ноги, до колен заляпанные грязью, и сам удивился: эх, и верно, где это он так выпачкался?

— Мы с Кузей в Сухую балку ходили,— сказал Федя почему-то робко и виновато.

— А что у тебя на ногах... опорки какие-то? — не строго, но в то же время как-то и не добро продолжал говорить отец, все еще не расставаясь с полотенцем.

Федя снова глянул на свои ноги и тут только увидел, что на ногах у него новые сандалии, вчера купленные Ксенией Трифоновной. Забежав на минуточку домой, перед тем как отправиться с Кузей в Сухую балку, Федя впопыхах вместо старых, худых чувяк надел вот эти блестящие, пахнущие кожей красивые сандалии. Правда, пока он, идя за Кузей, шлепал по лужам на дне оврага, разыскивая головастиков, сандалии размокли и почернели и теперь ничем не отличались от старых чувяк.

— Это я... забыл разуться, когда головастиков ловили,— запинаясь, проговорил Федя, сам огорченный случившимся.

Хмурясь, отец хотел сказать что-то еще, но тут заговорила Ксения Трифоновна:

— Иди мойся, Федя, а то ужин простынет. Да и папа торопится. А сандалии... пустяки! Мы их потом приведем в порядок.

Прежде чем войти в сени, отец посмотрел на Федю и сказал:

— Раз не умеет беречь, ему и покупать ничего не надо. Пусть в старье ходит!

Федя вспыхнул. Ах, вон как! Раньше отец так не говорил. Он всегда держал Федину сторону, если мама была слишком строга с сыном, а теперь... И все, все это из-за Ксении Трифоновны! Теперь отец редко когда перебросится с Федей добрым словом. Зато с мачехой никак не наговорится. Только одно и слышишь: «Ксена, Ксюша, голуба!»

Пока Федя гулял, им вдвоем тут было весело. А вернулся домой сын, у отца и настроение испортилось...

После ужина, грустный, Федя лег спать.

Когда он проснулся наутро, за окном улыбалось солнце, приглашая на улицу, а у кровати стояли начищенные сандалии.

Оглядывая комнату, Федя тоже заулыбался. На какую-то минуту ему показалось, что вокруг все было так, как при его маме, но это только на минуту.

Федя еще раз глянул на сандалии, ну совсем-совсем новые, ничуть не похожие на те, в которых он вернулся вчера из Сухой балки, и у него снова стало тоскливо на душе.

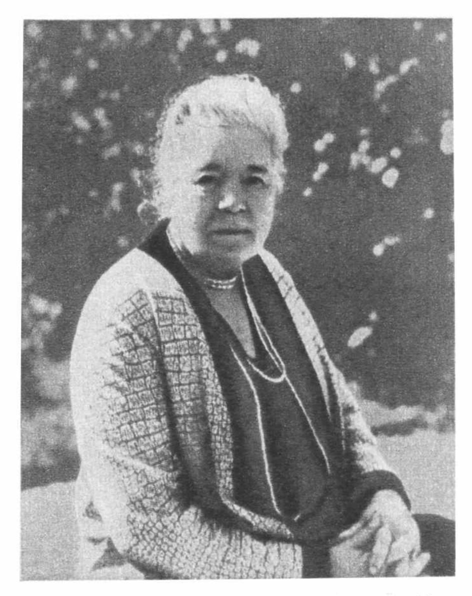
«Ничего мне не надо,— обиженно подумал он,— пусть сами... пусть сами носят свои сандалии!»

Он спрыгнул на пол, схватил сандалии и закинул их под кровать.

Окончание следует.

НАРОДНАЯ ПИСАТЕЛЬНИЦА ШВЕЦИИ

По решению Всемирного Совета Мира в ноябре этого года литературная общественность отмечает столетие со дня рождения Сельмы Лагерлёф, выдающейся шведской писательницы.

За свою долгую жизнь С. Лагерлёф написала более тридцати книг, из которых наиболее известны «Сага о Гесте Берлинге» и «Чудесное путешествие Нильса Хольгерссона по Швеции». Книга о чудесном путешествии Нильса, заколдованного мальчика, который облетел на диких гусях всю страну, стала любимейшей книгой детей во всех странах мира.

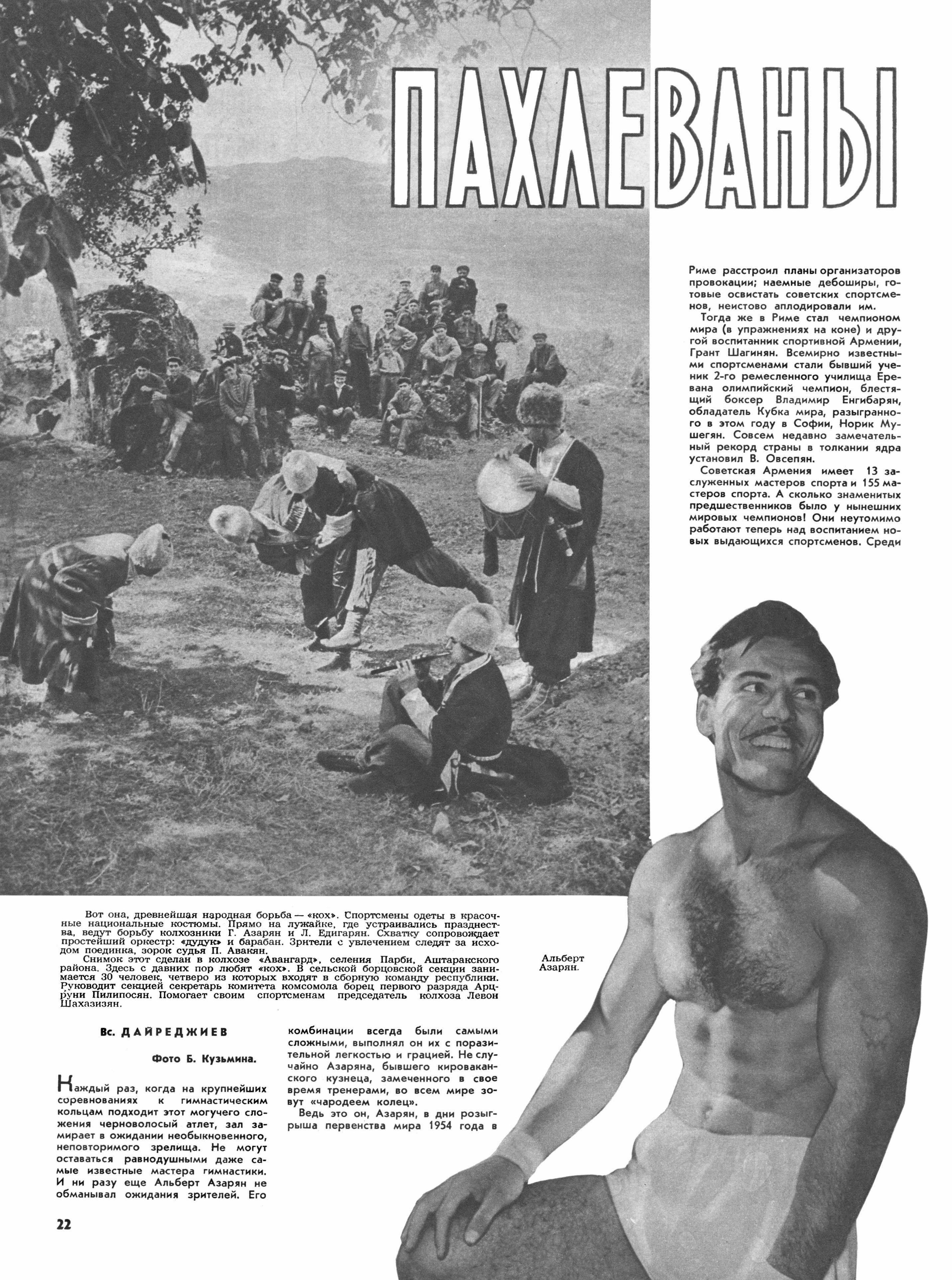
Доктор Упсальского университета, первая женщина, избранная членом шведской Академии наук, Сельма Лагерлёф хорошо знала русскую литературу. В 1909 году Лагерлёф говорила: «Я очень много обязана тем, кто в молодости вдохновлял мою фантазию: великим норвежским и русским писателям». В 1912 году писательница побывала в Москве.

Ни одну книгу не писала Лагерлёф с таким подъемом и так быстро, как роман «Изгнанник» (в русском переводе, вышедшем в 1924 году, роман называется «От смерти к жизни»). В новой книге писательница гневно осуждает войну: «Жизнь неприкосновенна, и ее нельзя отнимать у человека», война — «злейший враг человечества».

Умерла Сельма Лагерлёф в 1940 году в родной усадьбе Морбаке. Теперь там дом-музей писательницы, где в течение года бывает до ста тысяч посетителей со всех концов света. В доме хранятся реликвии, связанные с жизнью писательницы, переводы ее книг на 39 языках народов мира. Среди них — переводы на русский язык. Еще до революции в России было издано собрание сочинений С. Лагерлёф. В СССР были опубликованы сборник новелл «Гномы и люди», роман «От смерти к жизни», дважды издавалось «Путешествие Нильса».

Яркий талант Сельмы Лагерлёф обогатил не только шведскую литературу, но и литературы других народов. Отмечая столетие со дня рождения писательницы, советская общественность высоко ценит вклад С. Лагерлёф в сокровищницу культуры.

В. ВОЙНА

ПАХЛЕВАНЫ

Вот она, древнейшая народная борьба — «кох». Спортсмены одеты в красочные национальные костюмы. Прямо на лужайке, где устраивались празднества, ведут борьбу колхозники Г. Азарян и Л. Едигарян. Схватку сопровождает простейший оркестр: «дудук» и барабан. Зрители с увлечением следят за исходом поединка, зорок судья П. Авакян.

Снимок этот сделан в колхозе «Авангард», селения Парби, Аштаракского района. Здесь с давних пор любят «кох». В сельской борцовской секции занимается 30 человек, четверо из которых входят в сборную команду республики. Руководит секцией секретарь комитета комсомола борец первого разряда Арцруни Пилипосян. Помогает своим спортсменам председатель колхоза Левон Шахазизян.

Альберт Азарян.

Вс. ДАЙРЕДЖИЕВ

Фото Б. Кузьмина.

Каждый раз, когда на крупнейших соревнованиях к гимнастическим кольцам подходит этот могучего сложения черноволосый атлет, зал замирает в ожидании необыкновенного, неповторимого зрелища. Не могут оставаться равнодушными даже самые известные мастера гимнастики. И ни разу еще Альберт Азарян не обманывал ожидания зрителей. Его комбинации всегда были самыми сложными, выполнял он их с поразительной легкостью и грацией. Не случайно Азаряна, бывшего кироваканского кузнеца, замеченного в свое время тренерами, во всем мире зовут «чародеем колец».

Ведь это он, Азарян, в дни розыгрыша первенства мира 1954 года в Риме расстроил планы организаторов провокации; наемные дебоширы, готовые освистать советских спортсменов, неистово аплодировали им.

Тогда же в Риме стал чемпионом мира (в упражнениях на коне) и другой воспитанник спортивной Армении, Грант Шагинян. Всемирно известными спортсменами стали бывший ученик 2-го ремесленного училища Еревана олимпийский чемпион, блестящий боксер Владимир Енгибарян, обладатель Кубка мира, разыгранного в этом году в Софии, Норик Мушегян. Совсем недавно замечательный рекорд страны в толкании ядра установил В. Овсепян.

Советская Армения имеет 13 заслуженных мастеров спорта и 155 мастеров спорта. А сколько знаменитых предшественников было у нынешних мировых чемпионов! Они неутомимо работают теперь над воспитанием новых выдающихся спортсменов. Среди

АРМЕНИИ

— В старину,— весело рассказывает своему ученику Норику Мушегяну заслуженный тренер СССР Арташес Назарян,— у каждого князя был свой «пахлеван» — сильнейший борец, чемпион. Ты теперь тоже наш «пахлеван», но твой «князь» — весь народ, Норик.

← На Ереванском велотреке.

них неоднократный чемпион страны Эдуард Аристакисян, мировые рекордсмены своего времени Р. Манукян, Серго Амбарцумян и другие.

Не раз любители спорта задавали себе вопрос: как же так случилось, что небольшая Армения дала стране множество спортивных талантов? Ведь не секрет, что, кроме трудолюбия, для большого спорта нужны еще и недюжинные способности, хорошие физические данные.

Этот вопрос мы задали одному из старейших спортсменов Армении, Арутюну Никитовичу Гаргалуяну.

— История Армении — это история жестокой борьбы народа с камнем, у которого невероятным трудом отвоевывалась каждая пядь пахотной земли. Ведь все богатства, созданные теперь на нашей земле, — результат титанического и вдохновенного труда народа. Этот труд веками и создавал ту атлетическую конституцию наших людей, которая позволяет очень быстро осваивать наиболее силовые виды спорта. Не случайно ведь древнейшими играми на всех весенних празднествах была национальная борьба «кох», в которой всегда были свои «чемпионы» — «пахлеваны». Не обходится без нее в селах и теперь ни один праздник. Борьба «кох» дала нам сильнейших спортсменов по вольной и классической борьбе, а природная сила и ловкость сделали популярными видами спорта не только борьбу, но и бокс, гимнастику, тяжелую атлетику. Занимаются теперь в Армении и всевозможными играми, и легкой атлетикой, и фехтованием. Но наиболее любимыми остались те виды спорта, которые близки к национальной борьбе.

Таковы были предпосылки к развитию спорта в Армении. Однако удовлетворить огромную тягу молодежи к спорту удалось только в советские годы.

И верно, все прекрасные стадионы, площадки, плавательные бассейны, гимнастические залы появились лишь после того, как народ стал хозяином своей страны.

Именно это позволило армянскому народу воспитать множество спортсменов не только в городах, но и на селе, развить самодеятельный спорт, который дал столь блестящие результаты.

Так выглядит новый Ереванский плавательный бассейн.

Четырехкилометровая дамба соединяет острова Сааремаа и Муху.

НА МООНЗУНДСКИХ ОСТРОВАХ

Н. ХРАБРОВА

Фото М. Савина.

Материк был окутан туманами. Самолет шел над ними, и казалось, что мы мчимся на санях по пушистой снежной равнине. Потом тучи поредели и клочьями умчались назад, впереди открылось ясное небо, а внизу — тихое светящееся море. В нем точно покачивались на волнах, плыли куда-то острова Моонзундского архипелага — три больших и несколько сот малых. Да, именно несколько сот. На самых крупных расположены селения, на других, что поменьше, живет по две — три семьи, а на большинстве крохотных «сааров» и «лайдов» обитают только полчища морских птиц.

С высоты различаешь крупные изумрудные квадраты колхозных озимей, прямые, с резкими поворотами линии дорог, оранжево-зеленые осенние леса и кудрявые, сверху похожие на каракуль, темные заросли можжевельника. Виднеются красные черепичные и белые шиферные крыши домов, острые шпили колоколен. Вырисовывается стена средневекового замка. Под нами городок Кингисепп — столица Моонзундского архипелага.

Вечером в клубе колхоза «Кодуранд». В центре — Марта Пютт.

Первая остановка — на полуострове Сырве, в рыбачьей деревне Насва, там, где глубоководная речка Насва впадает в Балтику. Колхоз «Кодуранд», расположенный здесь, еще в июле выполнил годовой план лова.

Деревенская улица пахнет водорослями, рыбой, просмоленными мокрыми снастями.

За мостом, у речного причала, флотилия гребных лодок. Они принадлежат «истребительному батальону» — так шутливо зовут здесь старых рыбаков, не согласных уходить на пенсию. «Истребители», только что возвратившиеся с лова, выбирают из сетей и аккуратно складывают в ящики серебристую форель, крупных речных окуней.

Бригадир Хендрик Кууск садится рядом с нами на опрокинутые ящики и рассказывает:

— Тридцать три новых дома выстроили наши рыбаки после войны. И все дома — снаружи и изнутри — похожи на городские. А раньше тут избушки под соломенными крышами стояли. Теперь наш колхоз — миллионер. Одних капроновых сетей тысяча восемьсот штук, а ставных неводов и прочей снасти сколько! Тридцать моторных лодок да двадцать девять гребных — такого флота прежде и быть не могло у эстонских рыбаков.

Хендрик Кууск пригласил нас в свой дом, познакомил с женой Хелле и дочкой Майей. Вечером, когда над Насвой поплыл туман и крикливые чайки уснули в камышах, мы все вместе пошли в новый колхозный клуб.

Вот в зале появилась стройная большеглазая девушка с аккордеоном, и сразу послышались голоса:

— Поиграй, Марта.

Марта Пютт, заведующая клубом, не заставила себя долго просить. Подошли парни и девушки с гитарами, балалайками. Весело звучала любимая песня островитян «Сааремаа»:

Гляжу в бинокль из лодки я —
Вдали синеет Сааремаа.
Красивей нет нигде земли,
Чем остров в летние деньки...

Верно поется в песне. Много хорошего на острове, и особенно хороши дороги! Гладкие, усыпанные мелким гравием, они то ныряют в густые заросли орешника и дубняка, то вырываются на открытые, поросшие можжевельником поляны.

Мы едем по одной из таких дорог. Двенадцать лет назад дорога эта была разбита колесами орудий, и печально белели здесь пепелища рыбачьей деревни Сальме. А теперь белеют каменные здания электростанции, нового гаража, мастерских.

— Да Сальме ли это? — удивленно спросила я.

— Сальме, Сальме,— улыбается председатель колхоза «Сальме Калур» Иоханнес Пульк.— Пойдемте, еще кое-что покажу.

Да, тут есть что показать. Клуб, лесопилка, склад сена, скотный двор на сто голов — все это построено за последние два — три года. Поднимаются стены тринадцати новых жилых домов.

Все каменные старинные постройки на острове сложены из доломита. Доломитному карьеру на Сааремаа столько же лет, сколько обнаруженным здесь первым поселениям каменного века.

— Жаль, что теперь, когда так нужны стройматериалы, доломит незаслуженно забыт,— сетует старый резчик по камню Михкель Мунк.— А ведь это чудесный материал. Достаточно струйки песка, и стены, отделанные доломитом, будут, как новые, сверкать белизной. Доломит можно доставлять морем в Таллин, Ригу, Ленинград. Пора архитекторам, скульпторам, строителям заинтересоваться нашим доломитом!

...На маленьком острове Абрука расположен колхоз «Мурдлайне». На пути к острову нашей соседкой по рыбачьей лодке оказалась Люся Смирнова, медицинская сестра. Только весной окончила она училище в Кохтла-Ярве. Можно было бы там и остаться работать в больнице вместе с мамой, но Люся с радостью согласилась ехать на маленький, затерянный в море островок.

— Вы сами увидите, какое это романтическое место, какие там интересные люди! — восторженно говорила наша спутница.— Одна беда... Простите, это, конечно, не беда, но ведь практики-то действительно маловато. Среди всех жителей одна больная радикулитом да еще один с гипертонией...

Беседовали мы на острове Абрука и с Сальме Туулик, колхозным счетоводом, здешней поэтессой, чье имя хорошо знакомо читателям эстонской молодежной прессы. Сальме Туулик прочитала нам одно из своих стихотворений:

Давно поэтами воспеты
Холодный север, знойный юг.
А мне родней другие ветры —
Свой остров маленький пою...

Стоит, штормами закаленный,
Под синим пологом небес
Такой густой, такой зеленый
Наш сказочный, старинный лес...

Мы торопились в Ориссаареский район острова Сааремаа к восьмидесятилетнему садоводу Михаилу Ранду, слава о котором идет по всему Моонзундскому архипелагу.

Когда-то, очень давно, овдовев и потеряв единственного сына, он купил на скудные сбережения треть гектара бросовой земли — бывшие гравийные ямы. Там и трава не росла. Возами возил чернозем, трудился, пока не вырастил сад всем на диво. Невиданные прежде на Балтике растения живут на острове, окруженном холодным морем: аравийская сирень, горная американская липа. Осенью расцветает уксусное дерево, привезенное с берегов Босфора. Встретишь тут и карельскую березу, и гималайский кедр, и закарпатский граб, и крымский плющ, и тропические лианы, и сибирские лиственницы.

Поездка наша идет к концу. По четырехкилометровой дамбе переезжаем через пролив на остров Муху.

Останавливаемся в колхозе «Юхисма». Трудная земля — заросшее мелким кустарником болото — досталась этой артели. Но вот прошли годы — и не стало болот вокруг. На их месте 180 гектаров культурных покосов, 120 гектаров под люцерной, 40 гектаров пастбищ. Пятьсот пятьдесят гектаров пахотной земли отнято у болот! Урожаи яровых в этом году — 20 центнеров с гектара, надои молока — в среднем около 3 тысяч килограммов на корову.

Двадцать лет назад, до вступления Эстонии в СССР, Моонзундский архипелаг считался местом безнадежно нищим, безнадежно темным. Теперь в списках участников республиканского соревнования первыми идут районы, расположенные на островах, Ориссаареский и Кингисеппский.

С верой в завтрашний день живет и трудится здесь народ.

Остров Муху. Словно над морем, кружатся чайки над вспаханной землей.

Фото М. САВИНА.

Остров Абрука. Председатель рыболовецкого колхоза «Мурдлайне» Иоханнес Кескюла.

К причалу в Куйвасту подошел ледокольный паром «Сыпрус». Он доставил грузы с материка на остров Муху.

Хороший дом построил себе рыбак Аугуст Тамм из колхоза «Сальме Калур» на острове Сааремаа.

Доярка колхоза «Юхисма» Меели Ойдекиви и полевод Хелью Ранд в праздничный день.

Раздумья

Лев ОШАНИН

* * *

Ну что́ же в том, что я почти что сед!
Я знал седых мальчишек в двадцать лет.
Знал тракториста с Западной Двины,
Чьи волосы и в шестьдесят черны.
Знал одержимых, мудрых и крутых
Семидесятилетних молодых.
И тех я знал, чей голос не таков,
Уже — едва за двадцать — стариков.
А мы, сорокалетние, в пути,
Нам груз эпохи на себе нести.
Еще мы очень молоды, сосед.
Ну что́ же в том, что я почти что сед!

* * *

Сколько лет, вагонных полок,
Зной, мороз и снова зной...
Двух вчерашних комсомолок
Два лица передо мной.
На одном нежданно строго
Складка меж бровей легла,
Возле глаз морщинок много,
А улыбка, как была.
Но зато лицо второе
Встало вдруг передо мной,
Непонятно молодое,
Без морщинки без одной.
Без морщинки, без улыбки,
Без упрека, без ошибки,
Без дерзаний, без желаний,
Даже без воспоминаний.
От него, зевок роняя,
Отвернулся я тотчас.

...Что же ты, моя родная,
Вся в морщинках возле глаз!
Просто ты жила иначе,
Как у нас заведено,
От людей глаза не пряча,
Радуясь, смеясь и плача,
Если грустно и смешно.
И осталась гордой, ясной,
Все, что знаешь, не тая,
Пусть не юной, но прекрасной,—
Здравствуй, молодость моя!

* * *

Старинные друзья по комсомолу!
В каком бы ни случилось быть краю,
Я по морщинкам радости веселым
Былых друзей тотчас же узнаю.
Тот — слесарек — теперь в директорах,
А тот — профессор, неучам на страх...
А тот — кузнец — всю жизнь в своем цеху,
Заданье дай — и подкует блоху.
А этот — мастер плавок небывалых...
Не говоря уже о генералах!
Что ж, возраст наш такой, — ему пора, —
Директорский, полковничий, умелый.
А если ты не вышел в мастера,
Так что ж тогда ты четверть века делал!

* * *

Есть покладистые люди,
Нераздумчивый народ,
Как им скажут, так и будет,
Все исполнят в свой черед.
Много есть из них достойных,
Только я люблю не их,
А шерстистых, беспокойных,
Самобытных, волевых.
Все, что знают, знают сами.
Решено, так решено.
Все, что сказано словами,
Все обдумано давно.
Хочешь — ставь его министром,
Хочешь — мастером пошли,
Будет тем же коммунистом
Он в любом краю земли.
Будет жить он без уступки,
Не идя на поводу.
Все решенья, все поступки,
Все ошибки на виду.
А чтоб жизнь не заносила,
Жесткой правды не тая,
Есть одна на свете сила —
Это Партия моя.
Перед ней смирив гордыню,
Как мальчишка, вдруг смущен,
И слова горчей полыни
Сердцем будет слушать он.
Беззаветный, твердоглазый,
Крепкорукий человек,
Может, что поймет не сразу,
Но зато поймет навек.

* * *

Сегодня снова был я простодушен.
Знакомый мой, таинственно маня,
Сочувствуя, пошел шептать мне в уши
Об очень неприятном для меня.
«Какое свинство! — пел он, горячась.—
Как невезуча, брат, твоя планета!»
Простились мы. А ровно через час
Я вдруг узнал, что он подстроил это.
Что он, глядевший честными глазами,
Меня оклеветал перед друзьями.

Я все никак привыкнуть не могу,
Что только сорок весен торопливых,
Как мы живем на новом берегу.
Еще проклятое наследье живо!
...А я-то, я его по-человечьи
Благодарил и руку тряс рукой...
Вот то-то у меня веселый вечер,
Могу смеяться вдоволь над собой!

* * *

Их было столько, ярких и блестящих,
Светящихся в пути передо мной,
Манящих смехом, радостью звенящих,
Прекрасных вечной прелестью земной...
А ты была единственной любимой,
Совсем другой, была совсем другой,
Как стрельчатая веточка рябины
Над круглою и плоскою листвой.

* * *

С. Васильеву

Мы с соседом живем не худо.
В этом нет никакого чуда.
Хоть покажется, может, людям,
Что друг друга мы мало любим,—
Не целуемся мы при встрече
И не сахарим наши речи.
Порознь мы утоляем жажду.
И заходим друг к другу в гости
Раз в году или, может, дважды...
Но в кармане не прячем злости.
Глаз не тычем к дыркам в заборе,
Зависть наших сердец не гложет.
Знает он, что в беде иль в горе
На меня положиться может.
И, к стене прислонясь спиною,
Знаю я, что друг за стеною.
Оба сверстники мы, седые,
Оба выросли мы в России!

* * *

— Тебе непонятно, пока ты молод,
Как трудно бывает встать поутру,
Как телу особенно холодно в холод,
Как сердцу особенно жарко в жару.

— Все правда, отец. Но порой тяжела мне
И молодость, хоть засыпай на снегу.
От мыслей скачущих и желаний
Я третью ночь уснуть не могу.
У тебя, даже завидно, так все ясно:
Привычен дел повседневный круг,
Любовь не слишком огнеопасна,
Соседи тебя уважают вокруг...

— Мальчишка, так говорить не смей!
Даже осенью день неразлучен с рассветом.
Что знаешь ты о любви моей!

— Прости, отец. Но я не об этом.
Мне подвиги, спутники, звезды мнятся,
На песке мне чудится девичий след...
А утром вскочу,
мне снова семнадцать
Еще ничего не умеющих лет!

— Хочешь, мальчик, давай меняться!
Я дам тебе мудрость и кабинет,
Все книги мои, ученое званье,
Уваженье, воспоминанья,
Уменье прятать переживанья
И нерастраченные желанья...

А глупый мальчишка смеется:
— Нет!

Имена городов становятся иногда символом судеб людей и народов. Если мы хотим назвать точным словом беспримерную стойкость и мужество, мы говорим: «Сталинград». Когда речь заходит о предательстве, достаточно произнести: «Мюнхен».

В 1945 году слово «Потсдам» стало символом надежды для народов. Оно вобрало в себя страшное прошлое войны: миллионы вдов и сирот Минска, Варшавы, Дюнкерка, Киева, пепел Лидице, Ковентри, Орадур-сюр-Глана. Но это же слово сулило жизнь и мир поколениям, родившимся под свист бомб и разрывы снарядов.

В Потсдаме, во дворце Цецилиенгоф, державы-союзницы, сражавшиеся против гитлеровской Германии, торжественно обязались навсегда уничтожить очаг военной агрессии в Германии, искоренить нацизм и милитаризм, не допустить концентрации власти в руках монополий, вскормивших Гитлера.

Прошли годы, и человечество увидело, что на земле Германии надежды, воплощенные в Потсдамских соглашениях, обретают плоть и кровь: Германская Демократическая Республика встала как живое воплощение идей Потсдама. Здесь немецкий народ начисто ликвидировал нацизм, с корнем вырвал милитаризм, диктатуру воинствующих королей стали и пушек. Но на западе от рубежа, разделившего Германию, заокеанские миллиардеры вместе со спасенными ими магнатами Рура и гитлеровскими генералами создали государство, ставшее кладбищем Потсдама. Там, в Западной Германии, где сохранен, по существу, американо-английский оккупационный режим, планомерно и цинично уничтожается надежда людей на мир. Ее втаптывают в землю гусеницы танков нового бундесвера, ее глушит топот сапог марширующих полков, которыми командуют гитлеровские генералы Хойзингер, Рётгигер, Руге, Каммхубер. В руки западногерманских реваншистов американские милитаристы вкладывают атомное и водородное оружие.

С трибуны Боннского бундестага военный министр Штраус открыто призывает к новому походу на Восток. Ему вторит депутат бундестага барон фон Мантейффель-Шеге, болтая о борьбе с социалистическими странами «до последнего вздоха».

Потсдамские соглашения растоптаны западными державами, превращены в клочок бумаги. Немецкий народ, все миролюбивые народы мира не могут примириться с этим. Они не могут позволить, чтобы от Потсдама сохранился только Западный Берлин, превращенный в форпост германского милитаризма и реваншизма, в центр подрывной деятельности против Германской Демократической Республики, в очаг подготовки новой мировой войны.

→

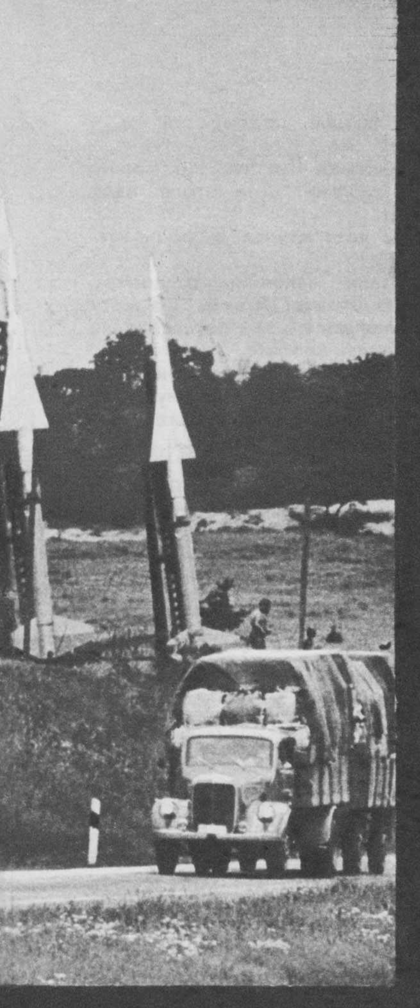

«Запрещен проезд и проход для гужевого транспорта, велосипедистов и пешеходов. Велосипедистам — только по субботам с 12 часов и по воскресеньям. Танки не обгонять!» Леса и дороги Западной Германии не для мирных немцев. Здесь хозяева — танки.

Автомагистраль Франкфурт — Мангейм. Американские «Найки» — ракеты с атомными зарядами — торчат по обочинам шоссе, вселяя ужас в души жителей Дармштадта, расположенного за этим леском. Ракеты обслуживаются американскими орудийными расчетами.

Растоптан

Вот и доподлинный фашизм. Его возрождают эти люди. Молодчики из «Стального шлема» выкрикивают лозунги о «реванше», «великой Германии», «марше на восток». Нет, это не фотография двадцатилетней давности. Это год 1958-й.

Эти ничего не забыли и ничему не научились. Смотришь на снимок и думаешь, что история остановилась. Те же заводы Тиссена, те же «короли смерти», только ныне они сопровождают не Гитлера, а Аденауэра (второй слева на переднем плане). И как символ возрожденной мощи картелей и банков, питающей корни фашизма в Западной Германии, впереди боннского канцлера шествует нацистский банкир Роберт Пфердменгес.

На недавних маневрах в Киле, где разыгрывалась морская атомная война, курсировал и корабль «Z-1», с ракетными установками, из американских поставок Бонну. Маневры именовались по шиллеровской трилогии — «Валленштейн». Но немецкий народ слишком дорогой ценой заплатил за гитлеровскую «романтику» смерти и разрушения.

ный Потсдам

Они кричат не только на своих сборищах. В их распоряжении десятки милитаристских газет и журналов, пропитанных неистовым духом реваншизма.

→

Штыки на изготовке, удушливые газы... Где это происходит? С кем готовятся воевать эти американские солдаты? В городах и селах Западной Германии они отрабатывают приемы уличных боев. Эти штыки в любое время могут быть пущены в ход против западногерманского населения, которое не хочет примириться с фашизмом, американо-английской оккупацией, атомным вооружением бундесвера.

Оккупанты не зря боятся народа. Простые люди Западной Германии, как эти 80 тысяч мюнхенских рабочих, бастующих против угрозы атомной смерти, хотят верить, что американской оккупации придет конец. Они хотят верить, что и здесь, на Западе, будут навсегда погребены фашизм и война.

Домик старого Дэвиса

Рассказ

В. ТОМАС

Рисунок А. ВАСИНА.

— Слушайте, Дэвис,— снова заговорил Карсон, поудобнее переставив ногу.

Уже целый час он стоял на самом солнцепеке, пытаясь растолковать старику суть дела.

Карсон отер платком капельки пота со лба и в третий раз стал объяснять, зачем он пришел.

Дэвис невозмутимо смотрел на Карсона, который никак не мог понять, догадывается ли старик, что фирма решила за любые деньги приобрести участок, на котором стоял его дом и который оказался теперь в центре одного из деловых кварталов города. Постройка большого жилого дома сулила фирме огромные барыши, и хозяин Карсона сказал, что надо во что бы то ни стало скупить участки, расположенные на месте будущего дома.

— Понимаете? — сказал Карсон и для убедительности ткнул пальцем в плечо старика.— Мы хотим построить на этом месте многоэтажный дом. Поэтому я хочу купить ваш участок и этот домик. Сколько вам дать за него? Все ваши соседи — Слондики, Смиты — словом, все продают свою землю. Причем за хорошую цену.

Старик покачал головой и улыбнулся.

— Не поняли? Или не хотите продавать? Что?

Старик опять кивнул. Непонятная улыбка все еще оставалась на его лице.

Карсон решил начать по-другому:

— Сколько лет вы живете здесь, мистер Дэвис? Я думаю, уже давно?

Дэвис положил руки в карманы брюк.

— Десять лет? Двадцать? Пятьдесят?

Старик кивнул головой.

— Пятьдесят? Да, это уже порядочный срок, не так ли? И все это время вы жили здесь один?

Старик отошел от двери и жестом пригласил Карсона войти в дом. Лицо Карсона просветлело, и он последовал за стариком в темноту коридора.

Войдя в комнату, старик остановился перед небольшим камином и посмотрел на овальный портрет, висевший на стене. Карсон невольно прищурился в полутемной комнате.

— Миссис Дэвис?

Старик утвердительно кивнул.

— Очень хороший портрет! — сказал Карсон. — Какая симпатичная женщина! Давно расстались? — спросил он с напускным участием.

Старик покачал головой и взглядом указал на вязанье, лежавшее на диване. Карсон посмотрел на вязанье, диван и огляделся вокруг. Его глаза теперь привыкли к полумраку, и он мог хорошо рассмотреть большую комнату, служившую, по-видимому, гостиной. Все было аккуратно прибрано, и всюду чувствовалась заботливая рука хозяйки. «Исключительный порядок во всем,— подумал Карсон,— так может заботиться только хлопотливая женщина».

— Странно,— сказал он,— соседи никогда не упоминали мне о миссис Дэвис. Я думал, что вы живете здесь один.

Старик пожал плечами и выжидающе посмотрел на Карсона.

— Очень приятное местечко у вас, мистер Дэвис! Очень хорошее, но все так сильно изменилось вокруг. Соседство уже не то, что было раньше. Слишком много шума. Смиты были просто счастливы, что подвернулась такая удачная возможность. Они получат хороший куш и смогут выбраться отсюда.

Послушайте,— снова начал убеждать старика Карсон,— я хочу, чтобы вы попытались правильно понять все, что я вам сейчас говорил. Район здесь слишком перенаселен, все свободные места застроены. Воздуха совершенно нет. Я вам говорю прямо. Я ваш друг и хочу, чтобы вы в этом убедились. Вы прожили здесь весь свой век. Сколько вы платили за это место? Я имею в виду, какую сумму, сколько долларов?

Старик медленно покачал головой и подошел к бюро, стоявшему в углу комнаты. Бюро было совсем непохоже на все то, что Карсон видел до сих пор.

— Какая удивительная вещь! — воскликнул он с искренним удивлением. — Я не встречал ничего подобного!

Старик улыбнулся, затем открыл замок бюро и откинул большую полированную доску, заменявшую, очевидно, письменный стол. Потом он открыл один из ящичков с красивой инкрустацией, наполненный аккуратно сложенными пустыми конвертами со штампом министерства финансов. Старик улыбнулся и пальцем показал на себя.

— Сделали сами?

Старик кивнул головой.

Карсон потер пальцем подбородок и с удивлением сказал:

— Никогда не подумал бы, что это можно сделать простыми руками. Для этого надо иметь еще и талант.

Однако он снова возвратился к волновавшей его теме:

— Давайте все-таки закончим с домом. Сколько вы за него хотите? Я ведь не могу ничего точно предложить до тех пор, пока не буду знать, сколько вы просите.

Старик выдвинул ящик и достал пачку документов, которые передал Карсону. Тот небрежно перелистал некоторые из них и потом тихонько свистнул от удивления. Затем вернул документы.

— Вы провернули хорошее дело. Теперь я покажу вам, сколько вы сможете выиграть на этом. За ваш участок я собираюсь предложить вам десять тысяч долларов. Десять тысяч наличными. Это куча денег! Почти в три раза больше того, что вы заплатили. Подумайте, сколько можно сделать, имея на руках десять тысяч долларов!

Старик задвинул ящик и закрыл откидную доску бюро. Карсон достал из кармана десятидолларовую бумажку и положил ее на бюро.

— Тысячи таких,— сказал он,— хватит, чтобы покрыть это бюро и построить вот такую пирамиду.

Старик посмотрел на бюро.

— Мебель мне не нужна,— поспешно сказал Карсон,— можете ее забрать всю. Десять тысяч долларов только за дом и землю. Лишь дом и земля. Понятно? Мы хотим построить здесь большой жилой дом. На целый квартал. Вы должны помочь нам и продать дом и участок. Ваш дом стоит как раз в середине квартала. Мы не можем начать строительство без этого участка.

Старик подошел к окну, сквозь которое была видна пышная ель. Он улыбнулся.

— Видимо, сами сажали? — спросил Карсон.

Старик повернулся и головой показал на фотографию над камином.

— И деревья тоже? — удивился Карсон.— Она и деревья сама сажает?

Старик широко улыбнулся.

— Пятнадцать тысяч,— с усилием сказал Карсон.— Вы не можете отвергнуть такое предложение. Отказаться от пятнадцати тысяч было бы безумием. На них вы можете купить новый дом. Прекрасный новый дом на какомнибудь островке со множеством различных деревьев. Вы и ваша миссис. Вы сможете позволить себе все, что только захотите. Поехать во Флориду или просто попутешествовать. Держу пари, что миссис Дэвис это наверняка понравится. Хотя никогда нельзя сказать, что может понравиться женщине. Но я уверен, что ей доставит удовольствие немного поездить. Вы не можете ответить отказом.

Старик прошел в соседнюю комнату, и Карсон последовал за ним, продолжая на ходу убеждать его:

— Я не могу предложить вам ничего лучшего. Может быть, семнадцать тысяч. Но этого я не могу гарантировать. Я не могу давать такие обещания без согласия своей фирмы.

Они прошли через кухню. В ней пахло свежей краской. Около окна стоял маленький столик, покрытый клетчатой скатертью. Стол был аккуратно накрыт на двоих.

Они вошли в залитую солнцем комнату, окна которой выходили на задний двор. Старик остановился и снова улыбнулся.

— Какой красивый садик! — И Карсон с любопытством высунулся из окна.— Вашей жене, кажется, больше всего нравятся ели, не так ли? Участок у вас примерно сорок метров длиной. Я не вижу, где он кончается, но, видимо, что-то около сорока. На таком пространстве не развернешься. В этом вся трудность. Нет места. Поэтому вы и должны помочь прогрессу. Ведь в многоквартирном доме даже на такой площади, как у вас, можно поселить тридцать семей. Это единственно правильная вещь. Вы одновременно получаете большие деньги и помогаете людям.

Старик с любопытством смотрел на Карсона.

— Я знаю, что вы прекрасно понимаете это,— продолжал Карсон,— я знаю, что миссис также поймет. Почему бы нам не пере-

дать это дело ей? Я ее еще не встречал, и для меня это будет огромным удовольствием. Я уверен, что она все поставит на свое место.— И Карсон сдержанно рассмеялся.— Она, конечно, женщина с характером. Это можно определить по тому, как она содержит свой дом.

Старик вышел в сад. Ели росли по всему двору и ветвистой зеленью скрывали границы участка. На старой каменной скамье лежали два разбитых цветочных горшка и покрытая ржавчиной лопата. Карсон после некоторого колебания пошел за стариком к елям, у которых они остановились. Несколько зеленых игл упало на воротник Карсона, и он медленно стряхивал их с костюма, глядя на этот маленький разросшийся лесок.

— Какой милый уголок! Приятная прохлада. Как много уюта для такого маленького места!

Вдруг новая мысль осенила Карсона:

— Я вам вот что скажу. Мы все это перенесем на другой участок. Недалеко отсюда у меня есть местечко, буквально за углом. Участок немного больше вашего, но мы это не будем принимать во внимание. Мы пошлем вас и миссис в хорошее путешествие. Во Флориду, Аризону — словом, в любое место, которое вы только назовете. Когда вы возвратитесь, то никогда не узнаете, что произошло какое-то изменение. Только участок будет на другой улице. Как вам нравится эта мысль?

Старик подошел к ели и погладил одну из ее бархатистых ветвей.

— Ели тоже,— воскликнул Карсон,— мы передвинем и ели!.. Вы меня извините, но вы торгуетесь невероятно упорно, мистер Дэвис. В нашей фирме вы наверняка добились бы успеха. Ну, как, договоримся? А что, если нам позвать миссис Дэвис и попросить ее обдумать все это? Давайте поручим дело более светлой голове, чем наши.

Старик пожал плечами и направился через небольшой просвет между деревьями. Карсон последовал за ним, продираясь между ветвями.

— Нужно бы немного разредить деревья,— сказал Карсон,— здесь можно оцарапаться.

Сквозь ветви Карсон мог видеть яркие пятна красных и белых цветов.

Когда он наконец пробрался сквозь деревья, то увидел, что старик дожидается его на небольшой полянке, в центре которой возвышался могильный холм. Красные и белые цветы росли по краям могилы, а в изголовье был установлен грубый камень с именем миссис Дэвис, выбитым, очевидно, много лет назад. Рядом стоял и другой камень, прислоненный к дереву. На нем уже было высечено имя старика...

Старик счастливо улыбался ошеломленному Карсону. Он указал на камни, затем на себя и продолжал улыбаться...

Вернувшись в контору, Карсон поднял телефонную трубку и набрал номер.

— Алло,— сказал он,— это вы, мистер Джексон? Говорит Карсон. Я только что посетил тот маленький участок, который находится в середине. Вы не поверите тому, что я видел там. Вы просто не поверите...

Рассказ Карсона прервал недовольный голос хозяина:

— Так, значит, он упрямится и отказывается продать нам свой участок?.. Да нет, меня не интересует вся эта глупая история с его женой. Мне нужен его участок, понимаете, участок, остальное не имеет значения. Участок должен быть нашим.

Карсон понял, что хозяин теперь готов на все.

— Постойте, вы сказали, что на участке могила, не так ли? Да это же, черт возьми, удача для нас. Разве центр города — место для кладбища? Мы заставим муниципалитет выселить старика и купим участок у городских властей.

Карсон попытался неуверенно возразить и высказать сомнение, но хозяин снова прервал его.

— Есть ли такой закон? Мне, Карсон, это тоже неизвестно, но ведь судебный процесс стоит чертовски дорого, а денег-то у него нет... Словом, начинайте и помните, что участок должен быть нашим. Любой ценой, Карсон!

Перевел с английского Г. СЕРГЕЕВ.

Кремлевский театр

Кремлевский театр открылся в дни, когда страна отмечала 41-ю годовщину Великого Октября.

В этот театр зрители приходят задолго до начала: каждому хочется осмотреть прекрасное здание — новый театр столицы. Огромное фойе, из больших окон которого открывается чудесный вид — зубчатые стены Кремля, Спасская башня, Москва-река, а дальше бесконечными огнями расстилается город...

Превосходен и зрительный зал — светлый, радостный, строгий. Здесь всюду удобно, хорошо видно и слышно.

Доносится бой курантов на Спасской башне: половина восьмого. Сейчас раздвинется занавес Кремлевского театра. Бой курантов звучит как пролог к спектаклю: Московский художественный театр показывает «Кремлевские куранты». Актеры взволнованы: им выпала высокая честь первыми вступить на сцену, предназначенную для показа лучших достижений театрального и музыкального искусства народов Советского Союза.

Народный артист РСФСР Б. Смирнов, исполняющий в спектакле роль Ленина, делится впечатлениями:

— Мне кажется, за тридцать лет своей творческой деятельности я никогда еще так не волновался. Роль Ленина я впервые играю здесь, в Кремле, где жил и работал Владимир Ильич. Сейчас мы готовим к XXI съезду новый спектакль о Владимире Ильиче — «Третью патетическую» Н. Погодина. Мы все мечтаем и этот спектакль сыграть на сцене Кремлевского театра.

— Я думаю, что открытие театра в Кремле,— говорит другой участник спектакля, народный артист СССР Б. Ливанов,— где будут демонстрировать свои успехи коллективы всех наших республик,— огромный, радостный стимул для творческого роста советского искусства.

Взволнованы и первые зрители. Вот группа рабочих завода «Красный пролетарий» осматривает зрительный зал. Доводчице измерительной лаборатории З. Семеновой нравится отделка: — Никаких ненужных украшений, ничего отвлекающего внимание. Хорошо, что в фойе размещены работы советских художников: сюжеты картин, рассказывающих о сегодняшнем дне, о нашем современнике, перекликаются с впечатлениями от спектакля.

Мастер технологического цеха завода «Красный пролетарий» П. Батенков пришел с семьей.

— Необычайно знаменательно,— говорит он,— что театр в Кремле открыт для широкого зрителя, доступен каждому советскому человеку. Очень правильно выбран и спектакль для открытия такого театра. Сознаешь, что находишься в Кремле, там, где был великий Ленин, видишь на сцене перед собой кабинет Ленина, слышишь ленинские слова... Все это создает такое настроение, будто сам у Ильича побывал! А какая гордость охватывает, когда думаешь, что мечты Ленина воплотились в жизнь, что рабочий класс не подвел Ильича, постарался выполнить все его планы!..

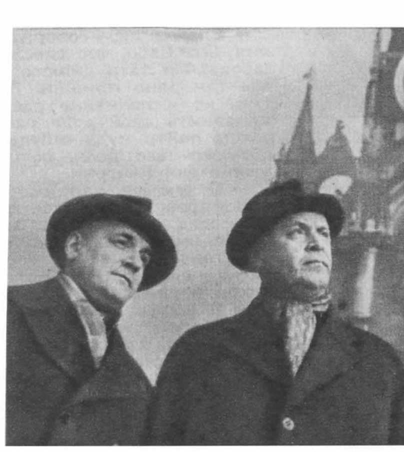
Во время антракта.

После праздничных концертов, в которых приняли участие мастера искусств братских республик, на сцене Кремлевского театра с большим успехом прошли спектакли: «Дали неоглядные» (театр имени Моссовета), «Молодая гвардия» (театр имени Маяковского), «Оптимистическая трагедия» (театр имени Пушкина, Ленинград).

В ближайшее время здесь выступят артисты Казахской республики.

— А билеты в Кремлевский театр,— спросили мы директора театра,— как их приобрести?

— Они продаются в любой театральной кассе Москвы. Продажа билетов организована и на крупнейших предприятиях столицы.

Участники первого спектакля в Кремле, артисты МХАТа: народный артист РСФСР Б. Смирнов и народный артист СССР Б. Ливанов.

Фото Е. Умнова.

ЗА МИР, ТРУД, ЕДИНСТВО

Олег **КОЖЕВНИКОВ**

Около 12 миллионов немцев, граждан Германской Демократической Республики, продемонстрировали 16 ноября свою верность рабоче-крестьянскому строю, миру и социализму. Цифры 98,89 и 99,87 уже облетели весь мир. Первая из них обозначает процент участвовавших в выборах, вторая — процент отдавших голоса за кандидатов Национального фронта демократической Германии...

...Лео Майер, шахтер городка Борна, поднялся в этот день задолго до рассвета. У избирательного участка, куда он, заслуженный горняк народа, пришел одним из первых, звучала музыка, не смолкали задорные песни, раздавался веселый смех молодежи. Прямо с ночной смены двигались сюда, чтобы исполнить гражданский долг, горняки в рабочих комбинезонах. Старого мастера Майера сразу узнали и окружили ребята, пионеры отряда имени Эрнста Тельмана.

— Наши шахтеры пришли на выборы не с пустыми руками,— заговорил заслуженный горняк.— Наш подарок — годовой план по экспортному углю — будет перевыполнен...

Лео Майер помолчал, потом продолжал:

— Чего мы, горняки, хотим от наших депутатов в Народной палате, в окружных собраниях и в собрании Большого Берлина? Пусть делают все, чтобы сохранить мир и не допустить новой войны. Пусть верно служат нашему делу, помогают строить социализм в Германской Демократической Республике, чтобы жизнь каждого была счастливой и зажиточной... Может быть, кое-кому там, на Западе, наши выборы придутся не по душе. Но нам, рабочим ГДР, они нравятся. Наши кандидаты — это мы сами, наши дети, они всегда будут проводить нашу народную политику...

Избирательный участок в маленькой общине Шпикендорф (округ Галле)... В собравшейся толпе избирателей вдруг вспыхивают дружные аплодисменты. Члены лучшей в округе бригады по уборке свеклы Кюглер, Кернер и Чегорек приехали голосовать... на своем свеклоуборочном комбайне.

— Сегодня,— говорит тракторист Кюглер,— мы решили также выехать на поле. Чем ознаменовать день выборов, как не хорошей работой?..

Члены бригады, все вместе и каждый порознь, излагают те мысли, с которыми они явились на выборы. Они считают правильным, что все политические партии ГДР, в том числе Демократическая крестьянская партия, выступают на выборах единым списком: кому, как не немцам, знать, что разобщение демократических сил и «погоня за голосами» никогда не шли на пользу трудовому народу!

В первые утренние часы на избирательном участке в Берлинском районе Нидершенхаузен проголосовали президент ГДР Вильгельм Пик, премьер-министр Отто Гротеволь и первый Секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии Вальтер Ульбрихт. Присутствовавшие тепло приветствовали руководителей первого немецкого рабоче-крестьянского государства.

В воскресенье 436 тысяч человек впервые принимали участие в выборах в ГДР — подрастает и получает гражданские права молодежь.

— Я тоже впервые выбираю в Народную палату,— сказал нам в Лейпциге рабочий завода полиграфических машин Вернер Эттлих.— Не потому, что мне исполнилось 18 лет, я постарше, а потому, что я только в апреле приехал из Западной Германии, из города Дортмунда. Теперь я могу сравнивать. Я трижды принимал участие в выборах в бундестаг, но ни разу не видел своих кандидатов. В Лейпциге же на больших предвыборных собраниях кандидаты рассказывали о своей жизни и целыми часами беседовали с нами о самых жизненных вопросах. Это наши люди. Им я и отдал свой голос на выборах, которые я считаю самыми свободными и демократическими, что бы там ни болтали на Западе.

Замечательной победой кандидатов Национального фронта закончились выборы в Германской Демократической Республике. Они продемонстрировали единство народа и правительства, показали неодолимое стремление всего трудящегося населения ГДР жить в мире и дружбе со всеми народами, крепить молодое народное государство — Германскую Демократическую Республику.

Берлин.

Президент Вильгельм Пик во время голосования.

Фото АДН.

Мы сами себе хозяева!

Дьердь **КОВАЧ**

В это воскресенье Будапешт жил одним — выборами. На улицах, в трамваях, в театрах и кино не было другой темы для разговора.

Шестнадцатого ноября венгерский народ, осуществляя конституционное право, выбрал своих представителей в Государственное собрание, в городские и сельские советы. Направляясь к избирательным урнам, венгры хорошо знали, что выборы не только крупнейшее событие в жизни страны, но и акт большого международного значения.

...Раннее утро. Началось голосование. Из двери 38-го избирательного участка выходит молодая супружеская пара. Рядом с родителями — трехлетний мальчуган.

— Видите ли,— говорит отец семейства (фамилия его Сабо, он слесарь станкостроительного завода),— я затрудняюсь вам объяснить, почему мы так рано пришли. Я, правда, не член партии, но в политике разбираюсь. Нам хотелось исполнить свой долг раньше всех знакомых, а потом пойти куда-нибудь, посидеть с друзьями, обсудить все дела, потолковать обо всем, что важно для Венгрии.

— О чем же, например?

Но прежде чем Сабо ответил, к нам подошел его сосед по квартире. Ответ на мой вопрос был излишним. Через несколько минут на углу улицы стояла оживленно беседующая группа из десятка человек. Мне оставалось только пустить в ход карандаш и блокнот.

— Я вырос в этом районе,— говорил пожилой коренастый человек.— Полтора десятилетия назад на том самом месте, где мы сейчас стоим, был луг, песчаный холм да мусорная свалка. А знаете, сколько семей получило теперь в нашем районе новые квартиры? Несколько тысяч! Я один из этих счастливцев. Пойдемте,— обратился он ко мне,— поглядите, как я живу. По-моему, не придется объяснять, почему я голосовал за Отечественный народный фронт.

Разговором овладевает сосед Сабо:

— Рабочий рассуждает так: что хорошо, то надо ценить. После разгрома контрреволюционного мятежа мы поняли, как много значит, когда руководители по-настоящему верят в народ. За доверие мы и платим доверием!

— Нас только злит,— подхватывает Сабо,— когда на Западе все трубят в одну дудку: венгры, мол, не могут высказать своего мнения в компетентном месте. Это они ООН называют компетентным местом. А какое у них право, спрошу я, обсуждать какой-то «венгерский вопрос»? Пусть не гадают на кофейной гуще. Пусть приезжают сюда. А уж мы сами им скажем, в какое «компетентное место» им следует убраться...

На других улицах и площадях венгерской столицы видим такие же картины, слышим схожие разговоры. У избирательных участков весело переговариваются празднично одетые люди.

— А ты мог поверить, что через два года после контрреволюции все будет так хорошо и спокойно, как сейчас? Небось, тогда мы не были так уверены в будущем...

— Главное, Венгрия живет, и не сидят у нас на шее ни американцы, ни Эстергази. Мы сами себе хозяева...

После полудня радио передавало: «На большинстве избирательных участков Будапешта, Мишкольца, Дьера... все уже проголосовали». Выступали деятели культуры, науки. «Мы,— говорили они,— отдали свои голоса за надежных людей, за тех, кому дорога судьба Венгрии».

Сидя у радиоприемника, внимательно слушал эти слова слесарь Сабо, к которому я зашел на квартиру. Он удовлетворенно кивал головой.

Сейчас уже известны цифры: более 98 процентов избирателей приняло участие в выборах, 99,6 процента голосовали за представителей Отечественного народного фронта. Трудящиеся Венгрии еще раз показали свою преданность народной власти, подтвердили непреклонную волю и желание идти по пути строительства социализма.

Будапешт.

Кебаньская избирательная комиссия. Голосует рабочий-маляр Дьердь Ёри.

Фото Даниэль Кери.

Электрический макет

В. ПОДОЛЬСКИЙ

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

Лектор Степан Петрович Середа, автор многочисленных брошюр, название которых начинается словом «как» («Как устанавливать ведро при доении», «Как и когда надевать халат на ферме», «Как и с какой стороны подходить к корове при доении» и другие), собирался в поход. Вернее, он-то не собирался, а его выпроваживали в командировку. Еще мальцом покинув деревенскую местность, лектор больше ни разу туда не заглядывал, хотя всю жизнь неустанно строчил трактаты и произносил речи о молочной ферме.

— Поезжайте, выступайте, проверьте свои заключения на деле,— сказали ему на прощание.

И вот лектор на трибуне в клубе колхоза «Вперед».

— Товарищи! Тема сегодняшней лекции—«Как удвоить удои молока», то есть как правильно, по-научному доить корову. Вот эти пособия, — Степан Петрович провел указкой по развешанным схемам,— помогут вам лучше освоить теоретические основы. Справа вы видите корову в разрезе. Несколько ниже чертеж ведра, куда поступает молоко. А это электрический макет. При нажиме на кнопку условная молочная масса мгновенно устремляется к выходу и на схеме загорается электрическая лампочка. Но об этом после.

— Электрифицированная, значит, корова?— уточнил сидевший в первом ряду скотник Дормидонт Тимофеевич.

— Наука,— откликнулся лектор и, открыв тетрадь, погрузился в чтение.

— Прежде чем установить, как бороться за высокие удои, мы должны четко и ясно определить, кто дает, точнее, откуда мы добываем молоко. Добываем мы его от коровы. Что же, точнее, кто же, в таком случае, корова? Это — животное, самка крупного рогатого скота. Бывают коровы молочные, точнее, дойные, а также яловые и...

— Бодливые! — задорно крикнул кто-то с места.

— Корова,— не реагируя на реплику, монотонно тянул Середа,— имеет копыта и рога. Впрочем, это тема специальной лекции. Сейчас же, как говорится, схватив быка за рога, мы опять перейдем к коровам. Что такое надой? Что значит на-да-и-вать? Это значит вы-це-жи-вать молоко из коровы, гм, точнее, из ее вымени.

— Открыл Америку! — тихо шепнула доярка Оксана Петрова соседке.

— Да, — зевнула та, — новый Колумб.

— Раз это так,— энергично воскликнул Степан Петрович,— встает вопрос: что же такое вымя? В своем труде я даю ответ на этот вопрос.

Задав себе еще несколько подобных вопросов и тут же ответив на них, лектор вплотную подошел к вопросу о молоке. Мы не будем пересказывать его речь о том, что молоко должно принимать форму сосуда, который оно наполняет, что из молока можно получать разные продукты,— отошлем желающих к соответствующим работам того же автора.

Заключительная часть лекции была посвящена практическому показу правильного доения коровы. Неторопливым шагом подойдя к электрическому макету, Середа изрек:

— Чтобы получить высокие удои, нужно прежде всего правильно доить животное. Делается это так...

Степан Петрович нажал кнопку — показалась белая стрелка.

— Понятно?

Все молчали.

— Понятно? — переспросил лектор.

— Конечно,— сказал заведующий фермой Иван Федорович Чередник, разглядывая лампочку,— здорово горит! Но только плана по надою с макетом не выполнишь.

— Позвольте, позвольте! — заволновался лектор.— Я сам по макетам учился. Принципы, понимаете, принципы все имеются на макете.

— Принципы, оно конечно,— не унимался Чередник.— Но давайте лучше на живой корове...

Неожиданно для себя крякнув, лектор схватил электрический макет и двинулся к выходу. За ним повалили слушатели. Выбрав в сарае наиболее приятную на вид корову, Степан Петрович потрепал ее за хвост и объяснил, что хвост у животного — это придаток на конце туловища.

— Вертит хвостом,— тихо сказал Чередник, обращаясь к соседу-дедушке.

— Ась? — переспросил дедок, приложив руку к уху.— Кто вертит-то?

Между тем, установив на табуретке макет, Середа сказал:

— Прошу ведро. Поставьте его отверстием под животом скота, дном перпендикулярно к полу.

— А ведро-то зачем? — усмехнулся Чередник.

— То есть как это зачем? Сейчас молоко будем доить.

— Это с него-то? С бычка?!

Дружный смех заглушил восклицание лектора.

г. Николаев.

Вышел сухим из воды

Рисунок Л. и Ю. ЧЕРЕПАНОВЫХ.

ПОДГОТОВКА К ЗИМНЕМУ СЕЗОНУ

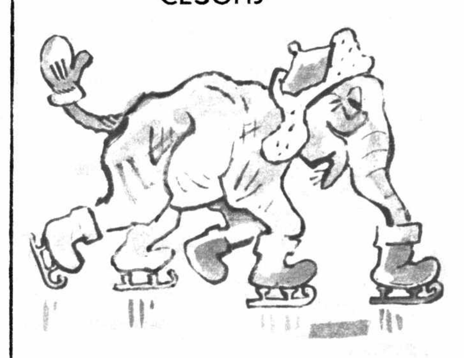

Рисунок В. ГАЛЬБА.

ЛЮБИТЕЛЬ ПАРАГРАФОВ

Рисунок И. МАССИНА.

«Литературный жетон»

Заметка под таким заглавием, опубликованная в № 19 «Огонька» за 1958 год, вызвала отклики читателей. Одни прислали медали и жетоны, другие — их описания, фото и рисунки.

В. М. Соловей (Харьков) сообщает, что у него есть жетон, подобный воспроизведенному в журнале, но с изображением М. Ю. Лермонтова и Н. В. Гоголя. С. И. Сысоев (Хабаровск) хранит небольшой, довольно изящный жетон, выпущенный к столетию со дня рождения А. С. Пушкина (1799—1899); на лицевой его стороне — голова Пушкина, на оборотной — первые два стиха «Памятника». М. М. Сальцовская (Москва) имеет жетон-брелок с изображением Гоголя и первого памятника ему, открытого в Москве в 1909 году.

Читатели пишут и о других нумизматических находках и приобретениях. Г. В. Ткачев (поселок Ляды, Псковской области) прислал бронзовую медаль, на лицевой стороне которой голова Петра Первого в профиль, а на оборотной — дата и надпись славянским шрифтом: «Полтава 1709. А о Петре ведайте, что жизнь ему недорога — жила бы только Россия. 1909».

Медаль эта отчеканена в ознаменование 200-летия Полтавской битвы, когда «непобедимые господа шведы скоро хребет показали». Слова на обороте — цитата из короткого, но энергичного напутствия Петра, обращенного к армии в решительный момент сражения. Медаль вручалась участникам юбилейных торжеств, носили ее на груди на голубой андреевской ленте. Нелишне напомнить, что в будущем году исполняется 250 лет со дня Полтавской битвы, одной из самых значительных в истории России.

Смерч на море

На Крымском берегу этой осенью мне удалось запечатлеть смерч, который двигался по направлению к пионерскому лагерю «Артек». Три столба, рожденные стихией, не достигли лагеря: один разбился о скалу, второй—о корпус проходившего судна, третий распался сам.

В. ГОЛОЦВАН,
артист Запорожской областной филармонии.

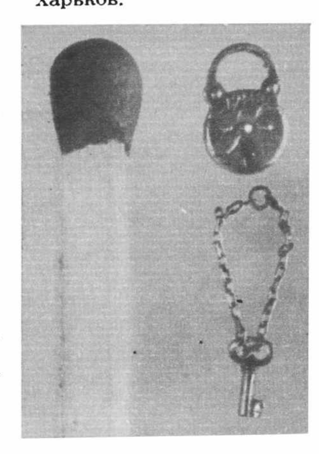
МИНИАТЮРНЫЙ ЗАМОК

Миниатюрный замок изготовил харьковский механик А. П. Васюренко. Весит замочек всего 0,0636 грамма, а ключик к нему —0,0060. Ключик висит на цепочке. Сложенная вдвое, она свободно проходит через ушко иголки. Корпус и дужка замочка сделаны из латуни и позолочены, ключик — стальной, никелированный, цепочка — серебряная. Такой замок открыть не просто: нужны пинцет и увеличительное стекло.

Для изготовления этих вещей приходилось придумывать разные хитроумные способы. Паз в бородке ключика был пропилен лезвием безопасной бритвы, инструментом для обработки отверстий послужила тонкая стальная проволока.

А. П. Васюренко приходится выполнять мелкие, требующие настойчивости и природной смекалки операции. Тут и помогают ему навыки в изготовлении миниатюрных безделушек.

Ю. НЕЗЫМ,
инженер.
Харьков.

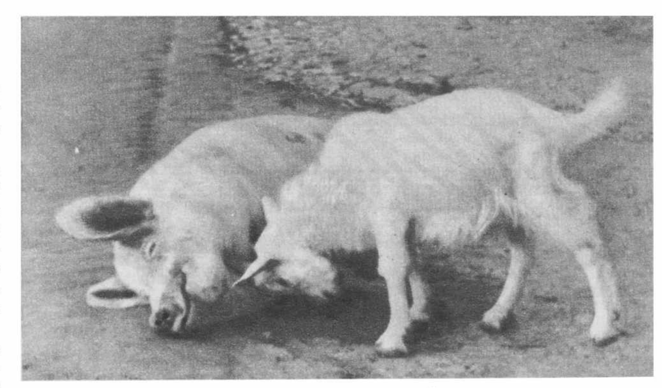

В одном гнезде

Сова и филин — питомцы дома отдыха в Петродворце. Птенцы были найдены в покинутых гнездах и воспитывались вместе. Вы видите их в гнезде, устроенном в уличном фонаре.

И. ЗАБЕЛИН
Ленинград.

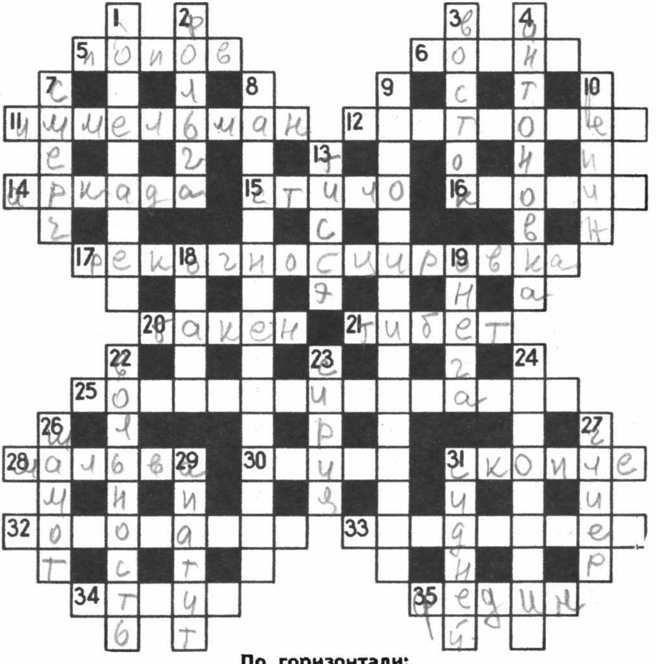

Взаимное удовольствие

Эту сценку я запечатлел на берегу Волги. Оба действующих лица были весьма довольны друг другом.

Е. СИВОВ
Чебоксары.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Изобретатель радио. 6. Одна из северных народностей. 11. Фигура высшего пилотажа. 12. Воспитанник военно-учебного заведения. 14. Ряд одинаковых арок. 15. Инструмент для письма в древности. 16. Растение семейства лютиковых. 17. Разведка местности. 20. Плавучий знак на реке. 21. Национальная область в Китайской Народной Республике. 25. Структурное улучшение сплавов. 28. Героиня одноименного произведения М. Горького. 30. Потухший вулкан на Камчатке. 31. Город в Югославии. 32. Способность, талант. 33. Уборочная машина. 34. Тонкая черта. 35. Советский писатель.

По вертикали:

1. Группа островов в Эгейском море. 2. Тонкие листы металлов. 3. Часть света. 4. Сорт яблок. 7. Сильный вихрь. 8. Лечение с применением электрического тока. 9. Разведение, выращивание. 10. Русский художник. 13. Оператор фильма «Броненосец Потемкин». 18. Африканское животное. 19. Река в Архангельской области. 22. Ода А. С. Пушкина. 23. Государство в Передней Азии. 24. Совокупность наук, изучающих историю и культуру Китая. 26. Необожженный кирпич. 27. Автор балета «Медный всадник». 29. Минерал, сырье для удобрений. 31. Порт в Австралии.

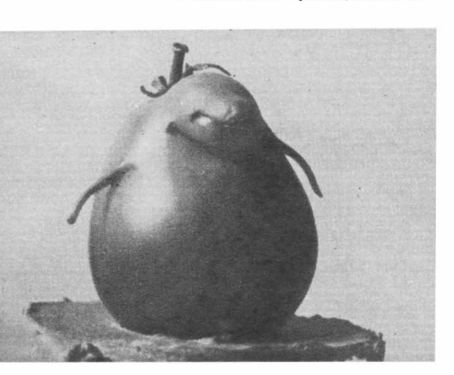
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

5. «Мужество». 6. Пластика. 8. Гармоника. 11. Студия. 14. Космос. 16. Магадан. 17. Рапорт. 18. Ректор. 22. Доверие. 23. Латвия. 24. Сирена. 27. Макаренко. 30. Корчагин. 32. Столетов. 33. Кумач. 34. Волга. 35. Альфа.

По вертикали:

1. Кукуруза. 2. Атлас. 3. Чайка. 4. Экономия. 7. Монтаж. 9. Дистанция. 10. Колхозник. 11. Саксаул. 12. Патриот. 13. Наречие. 15. Стройка. 19. Матросов. 20. Рекорд. 21. Оператор. 25. Тайга. 26. Укроп. 28. «Очаков». 29. Целина. 31. Наука. 32. «Слава».

ПОМИДОР-ПИНГВИН

Смешной помидор, напоминающий пингвина, я подобрал на одной из охотничьих прогулок. Я отнес маленького «пингвина» в фотостудию города Пазарджика и получил на память фотографию.

Н. ПЕТКОВ
Пазарджик (Болгария).

На вкладках этого номера репродукции картин Т. Хвостенко и Н. Кавтарадзе — «Молодость», Д. Черняева — «Тысяча девятьсот сорок второй год», Ю. Павлова — «Стадион», И. Бевзенко — «Первый комсомольский прокат» и четыре страницы цветных фотографий.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 05375. Подписано к печати 19/XI 1958 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л.—6,85 печ. л. Тираж 1.400.000 Изд. № 1234. Заказ 2624.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Писатель из Ганы Камерон Дуоду сдружился с ташкентской детворой.

Фото Б. Мизрохина.

Цена номера 3 рубля.
УКРАШАЯ ЕЛКУ, ПОМНИ:
НЕЛЬЗЯ ПРИМЕНЯТЬ ЛЕГКОВОСПЛАМЕНЯЮЩИЕСЯ ИГРУШКИ, ОСЫПАТЬ ЕЛКУ БЕРТОЛЕТОВОЙ СОЛЬЮ, ОСВЕЩАТЬ ЕЕ СВЕЧАМИ, ПРИМЕНЯТЬ БЕНГАЛЬСКИЕ ОГНИ.
ЭТО МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К ПОЖАРУ.